

ЛЕТО ПРИДЁТ ВО СНЕ ОАЗИС

16+

ЕЛИЗАВЕТА САГИРОВА

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Оазис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22166440

SelfPub; 2022

Аннотация

Недалёкое будущее... На Земле отгремела третья мировая война. Россия, оставшись в числе победителей, вновь нареклась Русью и с целью не допустить прежних ошибок, опустила железный занавес между собой и остальным миром. У власти встала православная церковь, которая вернула своему народу духовные скрепы и традиционные ценности. Больше нет алкоголизма и наркомании, безработицы и преступности, блуда и безнравственности. Но, как известно, за благополучие одних всегда платят другие. Это не повествование о великой борьбе и обязательной победе, это рассказ маленьких людей попавших в жернова Истории...

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Оазис

Лето придёт во сне. Оазис
Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Оазис

Елизавета Сагирова

© Елизавета Сагирова, 2020

Дон-Жуан

На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!
Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!
Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц —

Строгие глаза.
И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.
Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.
Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

Марина Цветаева

Пролог

Я парю в янтарном медовом мареве. Моё сознание стремится раствориться в нём, как уже растворилось тело, и я хочу этого, но что-то мешает. Может быть, отголоски недавней боли там, где раньше было моё лицо. А может, голоса, навязчиво лезущие в уши, мешающие оторваться от реальности, уплыть вдаль по молочной реке в кисельных берегах.

– Зачем тебе это нужно? – Первый голос мне не нравит-

ся, мужской, грубый, со скандальными нотками, он царапает остатки моего сознания, как кора деревьев недавно обдира- ла ладони. – Куда ты смотрела, это же деньги на ветер!

– Не истери. – Второй голос приятнее, он женский и звон- кий, как колокольчик. Пожалуй, ухватившись за него, я бы могла помочь себе уплыть быстрее, но и в нём есть нечто настораживающее, к чему не хочется прикасаться. – Я знаю, что делаю.

– Что знаешь?! Сколько ты денег отдала вот за это?! Да мы больше на лечение потратим! И вряд ли вылечим, ты видела её лицо?! Она уже никогда не будет красивой!

– Не истери, говорю! Ватсон сказал, что лазерная шли- фовка всё исправит.

– Ничего она не исправит, это же рваные, а не резанные раны! Да и не только лицо, она вся – в лоскуты! Ещё не факт, что выживет.

– Выживет, раны неопасные. Сейчас кровь перельём, и очухается.

Кровь... Теперь к воспоминанию о боли добавилось вос- поминание о страхе. Медовое марево поменяло цвет, стало

багровым, сгустилось, уже не несло меня, а сжимало со всех сторон.

– Очухается, а потом ещё сколько её лечить?

– Сколько надо, столько и будем лечить! – Колокольчиковый голос тоже изменился, в нём зазвучала сталь. – С каких пор ты оспариваешь мои решения?

– Не оспариваю! Поздно уже оспаривать – она здесь! Просто не понимаю, в первый раз вижу, чтобы ты так глупо тратила деньги.

Колокольчик снова зазвенел, почти весело:

– У меня чуйка на прибыль, Карл, помнишь? И она подсказала, что эта потрёпанная куколка нам ещё очень пригодится.

– Это уже не куколка. – Мужской голос, наоборот, стал ещё более мрачным. – И ею не станет, хоть зашлифуйся. Вот со второй ты не ошиблась, хоть и придётся ждать, пока подрастёт. Сколько им обеим?

– Двенадцать. И ждать необязательно, не мне тебе рассказывать.

– Ну со второй-то, возможно, а вот эта ободранная, ещё неизвестно, когда вообще на ноги встанет.

– Не нагнетай. Раны хоть и глубокие, но кости целы, сухожилия не порваны. Девчонки – как кошки живучие, по себе знаю.

– А эти твои... поставщики... совсем оборзели – такие деньги драть за явный брак?

Багровое марево стало тяжёлым, давило со всех сторон, норовило залиться в нос и рот, вернуло мне боль, ноющую – в руках и ногах, резкую и дёргающую – в лице. Оказывается, тело никуда не делось, оно оставалось со мной и теперь напоминало о себе, плакало, жаловалось. Только чем я могла ему помочь?

– Кажется, пошевелилась. Надо сказать Ватсону, чтобы дозу увеличил.

– Ему виднее, что нужно делать. – Колокольчиковый голос отдалился, звучал глухо. – Пойдём, не будем мешать.

Раздались удаляющиеся шаги, что-то стукнуло, и наступила тишина. Я надеялась, что уж теперь-то ничто не по-

мешает мне уплыть по молочным рекам, оторваться от плачущего тела, дать отдохнуть и ему, и себе. Но из багрового марева внезапно сунулась ко мне оскаленная чёрная морда с горящими глазами и длинными белыми клыками в клочьях пены. Сунулась, рывкнула и бросилась в лицо. А вместе с ней бросились воспоминания, принялись рвать душу, как недавно звериные клыки рвали тело.

Я попыталась закричать, закрыться руками, но густое марево не давало пошевелиться и не выпускало крики, заталкивало их обратно в рот, душило!

Неожиданно сквозь него протянулась прохладная рука, легла на лоб, и голос, не похожий на те, что звучали до этого, сказал:

– Тихо, тихо... ох и сильная ты, девка! Ведь в чём душа держится, места живого нет, а наркоз не берёт. Ничего, сейчас добавим...

Комар укусил в руку. Это был хороший комар, потому что от его укуса стало легче, багровое марево отступило, смягчилось, снова налилось янтарным светом. Я всхлипнула от облегчения, тело перестало плакать и отправилось, наконец, по своим делам. А я – по своим, по молочным рекам, меж кисельных берегов...

Глава 1

Поезд

Звёзды падали совсем недолго. Гораздо дольше горела церковь. Каждый раз, оглядываясь назад, мы видели оранжевое зарево, сияющее на полнеба. Правда, оглядываться много нам не пришлось. После краткого отдыха на вершине холма, подъём на который дался с таким трудом, мы снова бежали по дороге, сколько могли бежать. Потом перешли на быстрый шаг, а вскоре впереди засветились фары машины, и пришлось торопливо шмыгнуть в лес, после чего возвращаться на дорогу уже не было смысла. Мы шли по лесу наугад, пока ночь не начала сереть, а силы не покинули нас окончательно. Тогда опустились на землю, прислонившись к могучей сосне и прижавшись друг к другу.

Усталость, как моральная, так и физическая, была так велика, что даже разговаривать не хотелось. Не хотелось ничего обсуждать или строить дальнейшие планы, тишина казалась благословением. Я попыталась сообразить, как далеко нам удалось уйти от приюта, но в голове сплошные леса, дороги и ночные тени замкнулись в заколдованный круг. Клевавшая носом Яринка всё тяжелее наваливалась на меня, и становилось ясно, что в ближайшие часы двигаться дальше

не получится.

Мы расстелили на земле одно пальто, укрылись вторым и положили под головы наши сумки, которые благодаря упи-ханым в них Яринкиным нарядам оказались мягкими и ту-гими, как подушки. Так и уснули, согреваясь друг о друга, вздрагивая от всего недавно пережитого...

...Растревожил меня солнечный луч, упавший на лицо. Я пыталась отворачиваться от него, прятаться под одеяло, но одеяло стало странно неудобным и никак не натягивалось на голову. Вдобавок к этому неожиданно кто-то сильно дёрнул его на себя. Я приоткрыла глаза и сразу проснулась – резко, рывком. Не было никакого одеяла, было пальто, которое я чуть не стянула с Яринки и в которое она вцепилась, не просыпаясь.

Какое-то время продолжала лежать, разглядывая окружающий нас утренний лес и восстанавливая в памяти вчерашние события. Солнце ещё не успело подняться высоко, из чего я сделала вывод, что проспали мы недолго. Было довольно свежо и очень влажно от выпавшей росы, сильно пахло хвоей. Пели птицы, и, кроме их щебета, сколько я не при-слушивалась, ничего не услышала.

Странно это было – проснуться не на верхнем ярусе на-

шей с Яринкой кровати, не в тёплой постели под укрытием стен и крыши, а вот так – на земле, в одежде и обуви. Словно я всё ещё спала и видела сон, который был бы даже приятным, если бы не ноющие мышцы, искусанное комарами лицо и замёрзшие ноги.

– Вторник, – зачем-то сказала я вслух и ужаснулась, поняв, что при самом удачном раскладе просыпаться нам вот так, голодными и холодными, ещё три утра подряд. Если, конечно, нас не поймают раньше.

Последняя мысль заставила меня сесть. Неважно, который сейчас час, но наша пропажа в приюте уже обнаружена, а значит, и погоня в пути.

– Ярина. – Я потрясла подругу за плечо, а когда она, застонав, попыталась оттолкнуть мою руку, затрясла сильнее. – Ярин, надо идти!

Яринка долго моргала, оглядывалась с потерянным видом и безудержно зевала. А первое, о чем спросила, было:

– А воды нет?

Вода. Вчера мы переживали из-за того, что придётся четыре дня голодать, но ни разу не подумали о воде. И вот сей-

час, после сумасшедшей ночи, изматывающего бега, и короткого, но очень крепкого сна, есть не хотелось совершенно, зато очень хотелось пить. Я остро осознала это после Яринкиных слов.

Мы побродили между деревьев, пытаясь слизывать росу с травы и листьев, но это лишь раздражило жажду.

– Пойдём, – наконец решила я. – Пойдём вперёд и, может быть, наткнёмся на какой-нибудь ручей.

Яринка мрачно кивнула. Мы обе помнили, что, судя по карте местности, которую изучили вчера, поблизости не было водоёмов. Но вот ручьи... ручьи, возможно, были.

Накинув пальто и подобрав сумки, мы побрели через лес. К счастью, таёжные навыки я не растеряла и, ориентируясь по солнцу, придерживалась курса, уводящего нас всё дальше от приюта. Но очень скоро деревья впереди расступились, и мы увидели бетонный забор с возвышающимися за ним строениями и трубами, от которых шёл низкий и ровный гул.

– Что это? – спросила я Яринку хриплым шёпотом – от жажды рот и горло словно кто-то выстлал наждачной бумагой.

– Какой-то завод, наверно, – так же хрипло ответила Яринка. – Нечего нам тут делать.

С этим я согласилась, и мы пытались обогнуть возникшее на пути препятствие, пока не вышли на дорогу. Дорога оказалась не такой широкой, как та, по которой мы двигались ночью, но прямой как стрела. Она упиралась в высокие ворота, возле которых (это мы увидели даже из леса) прохаживались мужчины в пятнистой камуфляжной форме. И их вид заставил нас повернуть назад, как красные флажки заставляют загнанных волков поворачивать навстречу пулям. Не то чтобы мужчины в форме напомнили мне Белёсого, но интуиция ясно подсказала – через дорогу нам не надо.

Мы снова двинулись вдоль бесконечного забора, но уже в другом направлении. Время перевалило за полдень, жара заставила нас снять пальто и нести их в руках, затрудняя и без того не слишком быстрое передвижение. А пить хотелось всё сильнее.

Забор в итоге не кончился, но повернул вправо, дав нам возможность встать на прежний курс. И мы шли, пока низкое гудение не стихло позади, а высокие полосатые трубы не скрылись за верхушками сосен. Только тогда устроили привал. Честное слово, если бы у нас было чем перекусить, а главное, что попить, привал показался бы намного лучше,

почти как праздничный пикник в честь обрётённой свободы. А так мы просто посидели на краю солнечной поляны, слушая птиц и давая отдых гудящим ногам. Но даже отдохнуть толком не получилось, жажда погнала нас дальше, на поиски воды. И образ прозрачного звонкого ручья уже давно уступил место мечтам хоть о какой-нибудь луже. Сейчас мы бы и росу стали собирать в ладони по капелькам, чем пренебрегли утром. Но роса давно высохла.

Чувствовала ли я все эти часы радость от долгожданной свободы? Да, чувствовала, но она пряталась за усталостью, за жаждой и за страхом быть пойманными. Пока мы не справились даже с половиной поставленных задач. Нужно было как-то протянуть ещё четыре дня, а в ночь на пятый вернуться туда, откуда всё началось, — почти к самому приюту, к нашему лесу, на перекрёсток дорог, где будет ожидать обещанная нам машина. И вот когда я сяду в эту машину, когда переложу заботу о себе и подруге на плечи людей Дэна, *других*, тогда и порадуюсь от души.

Яринка тоже не выглядела счастливой. Да, она с интересом озиралась вокруг, шагала легко и не жаловалась, но с её лба не исчезала тревожная складочка, а пальцы нервно подрагивали.

Ближе к вечеру мы снова натолкнулись на забор, на этот

раз деревянный, покосившийся, с недостающими в нём досками. Из-за него виднелись такие же деревянные крыши и верхушки лиственных деревьев.

— А это что? — снова спросила я у Яринки, не узнавая своего голоса — он растрескался от сухости, как трескается земля, долго не видевшая дождя.

На этот раз она ответила не сразу, щурилась, прикрывая рукой глаза от солнца, жевала губы.

— Кажется, сады.

— Какие ещё сады? — не поняла я.

— Ну, вроде вашей деревни, — попробовала объяснить по-другому. — Только люди здесь не живут, а приезжают летом, растят овощи, зелень, отдыхают.

— А здесь охрана есть?

— Сторожа должны быть.

Словно подтверждая эти слова, за забором залаяла собака, причём таким низким и густым голосом, которого я раньше не слышала. Наши маслятовские лайки были звонкого-

лосые, как бубенчики, а этот лай больше походил на порывание медведя.

Яринка изменилась в лице и попятилась.

– Ты чего?

– Я это... – Подруга нервно оглянулась вокруг. – Собак боюсь. Меня кусали.

Я слегка пожала плечами. Меня тоже кусали пару раз, ещё меня царапали, лягали, бодали и клевали – когда тесно общаешься с живностью, конфликтов не избежать. Но как можно бояться домашних животных, я всё равно не понимала.

– Да брось, она ж наверняка там привязана, – попробовала я успокоить подругу, но она затрясла головой.

– Может, привязана, а может, и нет. Давай уйдём, пока нас не увидели?

Но я не могла уйти. Перед глазами маячила всплывшая из памяти картина – большая жестяная бочка, которую мы ставили в огороде для сбора дождевой воды на полив грядок. И не только мы, так делали все деревенские – не таскать же каждый раз вёдра из колодца! Может быть, и здесь поступа-

ют так же?

– Ярин... тут должна быть вода.

– Ага, а ещё нас тут могут увидеть! – зашипела подруга, пытаясь за рукав оттащить меня назад, в чащу. – О нас уже по-любому по телику передавали, мы в розыске! Увидят, позвонят в полицию, и всё.

– Да подожди ты. Видишь, дыра в заборе? Постой тут, а я только загляну – и обратно. Если найду бочку с водой или колодец, мы сможем ночью пробраться туда и попить.

Мысль о том, что придётся ждать темноты, когда вода – вот она, рядом, повергла меня в отчаяние, но отступить я не собиралась. В любом случае найти воду здесь было куда вероятнее, чем в лесу.

Мягко вывернувшись от пытающейся удержать меня Яринки, я, пригнувшись, потрусила к забору.

Одной отсутствующей в нём доски вполне хватило, чтобы протиснуться на территорию садов. Оказавшись по ту сторону, я торопливо присела. Прислушалась. Собака больше не лаяла, но до меня доносились детские голоса и стук молотка по дереву. Люди здесь, несомненно, были, оставалось

лишь выяснить, насколько близко. Хорошо хоть дом, рядом с которым я оказалась, выглядел нежилым: некопаные грядки, заросшие травой дорожки между ними, тусклые, давно не мытые окна...

Не выпрямляясь, почти на четвереньках, я пробралась до одной из теплиц, заглянула внутрь сквозь пожелтевшую от старости полиэтиленовую плёнку и ещё больше успокоилась, увидев потрескавшуюся землю с торчащими из неё засохшими прошлогодними огуречными стеблями. Да, в этом году хозяева здесь или не бывали, или по какой-то причине не занимались огородом.

Обогнув теплицу, я выглянула с другой стороны и замерла. Бочка! Жестяная бочка, почти как та, что была у нас в Маслятах, только не крашеная, стояла у угла дома под водостоком.

Забыв про осторожность, я метнулась вперёд, поскуливая от нетерпения, ухватила пальцами за край бочки, доходивший мне до груди, перегнулась через него... и почти окунулась лицом в воду. В прекрасную, душистую, отражающую небо и солнце воду!

К своему стыду, я совсем забыла про Яринку, ведь, наверное, не стоило начинать пировать без неё. В оправдание могу

лишь сказать, что заняло это у меня не больше минуты. Обняв бочку, как некогда потерянного, но вновь обретённого друга, я пила огромными глотками, давясь и захлёбываясь, отчаянно фыркая от попадающей в нос воды, но и не думая отстраниться. А когда, наконец, отвалилась в сторону, живот мой, казалось, не уступал объёмами самой бочке.

Только сейчас я додумалась вновь пригнуться и медленно поползла обратно, чувствуя удивительную наполненность и гармонию с миром. Как же мало, оказывается, нужно для счастья...

Увидев меня, со съехавшими в кучу осоловевшими глазами и глупой улыбкой на губах, Яринка сразу всё поняла.

– Вода?! Где?

Я махнула рукой себе за спину, и подруга тут же кинулась туда, забыв про свой страх перед собаками.

Когда мы обе, напившиеся до одурения, ополоснувшие лица и руки, вернулись за забор, в лес и растянулись на траве, я сказала:

– Думала, помру. Никогда в жизни так не хотелось пить.

– Я тоже, – тяжело отдуваясь, ответила Яринка. – Теперь понимаю папашку, когда он говорил, что у него сушняк и что он сейчас сдохнет.

– «Сушняк»? – не поняла я.

– Ну похмелье. Когда люди пьют, им утром плохо делается.

Это я знала. У нас в Маслятах баба Тася делала брагу, которую взрослые пили по праздникам. Но случилось это редко, и на следующее утро никто не подыхал, хоть и любили подшучивать друг над другом на эту тему.

– Подожди, – внезапно вспомнила я, – а разве в городе можно так пить? Разве продают?

Яринка фыркнула:

– Знать надо, где продают. Батя знал. Если бы и я знала, как всё дальше будет, то сдала бы его с этим в полицию.

Мы замолчали. Солнце уже клонилось к западу, но грело ощутимо, в лесу не шевелился ни один листок. Похоже, лето в этом году пришло раньше обычного.

Незаметно для себя я задремала, убаюканная теплом и тишиной. Яринка, видимо, тоже, потому что прозвучавший внезапно грохот застал врасплох нас обеих. Резко сев, я затрясла головой, начала оглядываться, не понимая, куда пропал солнечный свет и почему деревья вокруг гнутся и стонут.

– Гроза! – первой сообразила Яринка. – Сейчас ливанёт!

Я запоздало посетовала на себя за несообразительность. Следовало ожидать, ведь парило целый день и ветра не было. Вот ведь закон подлости! Первая майская гроза, и, разумеется, именно тогда, когда мы остались без крыши над головой!

– Дайка! – Яринка вскочила на ноги и бестолково заметалась между деревьями. – Надо куда-то спрятаться! Если промокнем – ночью дуба дадим!

Так точно, дадим. В сыром после ливня лесу одежда будет сохнуть целую вечность!

– Теплицы! Давай в теплицу!

Подхватив с земли пальто и сумки и чуть приободрившись, мы снова побежали к забору. Но, как выяснилось, приободряться было рано. Когда мы забрались под покрытие натянутой на металлический каркас тепличной плёнки, я по-

няла, что убежище это никудышное. Конечно, от дождя оно укрыло бы нас отлично, но не от взгляда того, кому бы вдруг вздумалось посмотреть в нашу сторону.

– Не годится! – Я начала выпихивать Яринку наружу (она упиралась!). – Теплица вся прозрачная, нас видно!

– Куда тогда?!

Отчаявшись вытолкать подругу под надвигающийся дождь, я вылезла сама и кинулась к дому, прижалась к стене. Но козырёк крыши, нависающий надо мной, оказался слишком узок и не мог послужить укрытием. А гроза была уже близко, молнии вспарывали тучи над лесом, крепкий ровный ветер гнул к земле кусты и травы, от леса шёл ровный могучий гул. Тогда я скользнула за угол, огибая дом, и там нашла то, что искала.

Небольшая деревянная веранда за сплошными перилами. Чуть не взвизгнув от такой удачи, я повернулась, чтобы привести сюда Яринку, но та уже оказалась рядом и по ступенькам на веранду взбежала раньше меня. А там мы уселись на пол, невидимые с улицы, защищённые от дождя и от ветра, снова почти счастливые.

И сразу с неба рухнула водяная стена.

Яринка что-то весело прокричала, но я не услышала её за шумом дождя и раскатами грома. Мы отползли в угол веранды, куда не долетали брызги, и легли, постелив пальто на дощатый пол. Бессонная ночь давала о себе знать, ливневая пелена отгораживала нас от остального мира, создавая иллюзию безопасности, и мы почти сразу уснули, невзирая на вспышки молний и грохот.

Сколько шёл дождь? Я не знаю. Когда открыла глаза, было темно и тихо, лишь звенели где-то капли. Яринка мирно сопела, уткнувшись мне в плечо. Судя по затёкшему, одеревеневшему телу, я очень долго пролежала в одной позе. Да и сна не было ни в одном глазу, и ноги перестали гудеть, что явно говорило в пользу того, что на сей раз мне удалось выспаться. Это и обрадовало, и напугало. Обрадовало потому, что я знала, как важен сон, особенно в такие трудные времена, какие наступили сейчас у нас. А напугало тем, что теперь, когда жажда и усталость отступили, дал знать о себе голод. Быстро прикинув в уме, я поняла, что у нас не было ни крошки во рту уже больше суток. Но удручало не это. Если даже сейчас так ужасно хочется есть, что же будет с нами к исходу четвёртого дня? Мы вообще сумеем идти? Сможем явиться на место встречи с *другими*?

Осторожно выбравшись из-под пальто и укрыв им Ярин-

ку, я сходила до бочки с водой, где снова от души напилась. Пить не хотелось, но я ещё слишком хорошо помнила недавние муки жажды. А ещё надеялась, что сумею хоть чуть-чуть обмануть этим голод. Не вышло, только в животе начало громко бурчать, словно бедный мой организм ругался на такое издевательство.

Вздыхнув, я снова забралась под пальто и, прижавшись к Яринке, стала глядеть в ночное небо. Оно уже не было звёздным, как прошлой ночью, теперь его закрывали низкие влажные тучи, и оставалось лишь надеяться, что дожди не зарядят на несколько дней. Не можем ведь мы ещё почти трое суток отсиживаться на этой веранде!

Если бы я тогда знала, что отгремевшая недавно гроза спасла нас с Яринкой, то, наверно, сейчас не смотрела бы на тучи так сердито и уныло.

Церковь удалось потушить лишь под утро, но толку от этого получилось мало — изнутри она выгорела полностью, остался лишь кирпичный каркас с чёрными, обуглившимися колоколами... Когда пожарные машины уехали и полиция занялась выяснением причины возгорания, охрана подняла записи с камер. И им не понадобилось много времени для того, чтобы отыскать на этих записях кадры, запечатлевшие две девичьи фигурки, сначала тайком пробирающиеся

к церкви, а потом убегающие от неё. Агафья к тому времени тоже обнаружила наше отсутствие, вот всё и сошлось. Специально обученные собаки напали на наш след ближе к полудню и уверенно повели за собой преследователей. Думаю, что они были уже недалеко, когда разразилась гроза, и упавший с неба плотный ливень смыл наши следы, остановив погоню.

Но всё это я узнала намного позже, а сейчас зябко ёжилась на дощатом полу чужой веранды, глядя, как над деревьями встаёт серый рассвет, а от земли поднимается туман. В этом тумане застучал колёсами, протяжно прокричал поезд. На этот раз звук был гораздо ближе и яснее, чем слышался из приюта. Отвечая ему, неподалёку снова по-медвежьи забухала собака, и Яринка завозилась рядом, жалобно застонала во сне. Я постаралась прижаться к ней плотнее, дать почувствовать поддержку, но чёртова псина не унималась и, в конце концов, разбудила мою подругу.

– А еды нет? – совсем как в прошлое утро про воду спросила Яринка, перестав протирать глаза и потерянно оглядываться.

– Знаешь же, что нет, – устало ответила я.

– А если... на огородах поискать? В других теплицах?

Я об этом уже думала, но... было только начало мая, и, скорее всего, многие владельцы здешних огородов, по примеру хозяина нашей гостеприимной веранды, пока ничего ещё не сажали и уж тем более не вырастили. Ещё я успела подумать о том, чтобы попытаться забраться в один из домиков и поискать в нём какие-нибудь съедобные запасы, но сразу отмела эту идею. Во-первых, велик шанс попасться, во-вторых, вряд ли кто-то стал бы оставлять здесь скоропортящиеся продукты, а значит, мы не найдём ничего, кроме круп или овощей, которые нам всё равно негде приготовить.

Мысли подруги, как выяснилось, текли в том же направлении, потому что она сказала:

– Раньше бомжи забирались в дачные домики и даже жили там, пока хозяев нет.

– Кто забирался?

– Бомжи. Ну так называли бездомных людей, батя рассказывал. А потом, когда стали сажать в тюрьму за тунеядство, их всех переловили. Так что, наверно, можно залезть к кому-нибудь, найти поесть...

Её прервал вновь раздавшийся собачий лай. И на этот раз лай был не ленивым, тем, каким собаки развлекают себя в минуты безделья, а яростным, заполошным. Забренчала цепь, а потом, перекрывая эти звуки, прозвучал длинный требовательный автомобильный сигнал.

Мы рывком сели.

– Кто-то приехал, – шепнула Яринка, но я подняла руку, призывая её к молчанию.

Раздался сердитый мужской оклик, и собака замолчала. До нас донеслись обрывки разговора. Кем бы ни были прибывшие, они не торопились проезжать в сад, а о чём-то деловито и строго расспрашивали сторожа. Спасибо туману, любезно донёсшему эту информацию до наших ушей. Я почувствовала, как волоски по всему телу встают дыбом – непередаваемое ощущение, пришедшее к нам, надо думать, от далёких, ещё мохнатых предков. И кто-то из этих предков сейчас протянул через тысячелетия мохнатую свою лапу и ею ощутимо пихнул меня в бок.

– Уходим! – Я вскочила, сдёрнула пальто с Яринки.

– Ты чего? – возмутилась было она, но я яростно зашипел.

ла:

– Тихо ты! Туман далеко звуки разносит. Это за нами, ищут. Надо бежать.

– Да с чего ты взяла? – Тем не менее подруга встала, потянула на себя сумку. – Дачники приехали, вот и всё.

– Может быть. А может, и нет. – Не рассказывать же ей про вставшие дыбом волоски и мохнатого предка. – Всё равно надо уходить, нельзя долго на одном месте. Ещё попьём и пойдём.

Мы напились впрок, несмотря на то что воды сейчас, после ливня, вокруг хватало, могло даже быть и поменьше. Обувь промокла сразу, едва только мы выбрались за забор и вступили в лес, а позже благодаря туману и падающим с листьев каплям отсырела и остальная одежда. Чтобы не замёрзнуть, мы чередовали быстрый шаг с бегом, уходя всё дальше от приютивших нас на ночь садов. Дождя больше не было, и на том спасибо, но вот туман очень затруднял передвижение. В нём я быстро потеряла любые ориентиры и вела подругу наугад. Впрочем, сейчас это было уже неважно, мы не преследовали цели прийти в некую конечную точку, нам просто нужно было двигаться. Мы и двигались, стараясь не замечать голода, грызущего нас изнутри, и рождённой

им слабости в ногах. Несколько раз пересекали тропки, однажды вышли к линии электропередач на широкой просеке, но в основном вокруг была лишь сырая чаща.

Когда, по моим прикидкам, наступило позднее утро, туман наконец рассеялся. Но тучи не разошлись, было по-прежнему пасмурно и прохладно. Усталость давала о себе знать, но садиться на мокрую траву совсем не хотелось, поэтому мы продолжали кое-как плестись вперёд.

– К вечеру вернёмся в сады? – уныло спросила Яринка. – Надо искать еду, я ещё два дня так не выдержу.

– Вернёмся, – успокоила я, не став уточнять, что думаю по поводу шансов раздобыть там хоть что-то съестное.

– И как только раньше жили эти... как их... бомжи? – Голос подруги звучал изнеможённо, она делала паузы между словами, словно даже собраться с мыслями ей теперь стоило усилий. – И ведь они даже зимой выживали, что же нам так плохо?

Никогда не надо жаловаться. Никогда. А в особенности говорить, что тебе плохо. Потому что Бог, судьба, вселенная, назови как хочешь, не упустит возможности доказать, что может быть ещё хуже. Намного, намного хуже.

Не успела Яринка договорить роковую фразу, как далеко в лесу за нашими спинами зазвучал собачий лай. И был это не простой лай, а охотничий, азартный! С таким лаем наши маслятовские лайки гнали добычу по тайге.

Яринка замерла с повисшей в воздухе ногой, её ресницы задрожали, рот жалобно округлился.

– Собаки...

– Если бы только собаки. – Я дёрнула подругу за руку, выводя из ступора. – Это могут нас искать! Бежим...

Просить дважды не пришлось, Яринка рванула вперёд с такой резвостью, что временно оставила позади даже меня. Я спешила за ней, изо всех сил стараясь подавить прущую из подсознания панику, густой тёмный страх загнанного в угол зверька, лишаящий воли и разума. Нельзя полагаться на одни инстинкты, сейчас, как никогда, нужно думать головой! Хотя о чём тут думать? Спрятаться посреди леса, если нас действительно преследуют собаки, не удастся, а значит, остаётся одно – бежать вперёд, пока хватит сил.

И мы бежали.

Ветки трескали под ногами, в обуви хлюпало, а одежда была заляпана летящей из-под ног грязью. А ещё очень мешала слабость — следствие голода и усталости, и уже через каких-то минут десять я поняла, что долго нам уходить от пого-ни не удастся. Яринка, теперь слегка отстающая от меня, дышала хрипло и надсадно, иногда судорожно кашляла, а один раз упала, зацепившись ногой за что-то скрытое в траве. Я помогла ей встать и уже не отпускала руку подруги. Но нам всё равно скоро пришлось перейти на шаг, чтобы иметь воз-можность восстановить дыхание.

Погони больше не было слышно, однако это ни о чём не говорило. Вовсе не обязательно собакам лаять без пере-рыва, чаще они идут по следу молча. Конечно, есть надеж-да, что мокрый лес не будет хранить следы долго, или, что это вообще не погоня, а те же дачники, выгуливающие в ле-су своих питомцев... Только смутное ощущение, похожее на пристальный взгляд в затылок, ясно говорило мне, что та-кие надежды напрасны.

Лес пошёл под уклон, и я обрадованно потащила Яринку в низину. Если там ручей или болотце, то у нас есть шанс сбить погоню со следа, пусть даже ради этого придётся окон-чательно вымокнуть. Но впереди среди деревьев наметился просвет, и пришлось замедлить шаги, а потом и вовсе оста-новиться.

Мы опять вышли к людям.

– Что это? – спросила я Яринку, которая тяжело дышала, привалившись к ближайшему сосновому стволу.

Сама я, как ни приглядывалась, не могла понять, что вижу там, где обрывается линия деревьев. Вроде бы снова забор? Только на этот раз не бетонный и не деревянный, а... железный? И запах... не то гарь, не то дым. Ещё один завод?

Яринка проследила в направлении моего взгляда и устало выдохнула:

– Железка...

Мне это совершенно ничего не объяснило, и, решив, что раз идти назад всё равно нельзя, и выбора у нас нет, я осторожно двинулась дальше. Но лишь приблизившись почти вплотную к странному «забору» и разглядев под ним ряды больших металлических колёс, я поняла, что вижу. Поезд. Товарный поезд на блестящих рельсах тянулся перед нами в обе стороны без конца и края.

Так вот откуда доносились стук колёс и гудки тепловозов, которые были слышны по ночам в приюте...

Мы вышли из леса и приблизились к составу. Яринка опустилась на колени, заглянула под железное брюхо ближайшего вагона. Не поднимаясь на ноги, сказала:

– С той стороны дома. Похоже, это какая-то станция.

Я почувствовала бесконечную усталость. Выходит, и впредь нам тоже нельзя. Кто угодно, увидев двух мокрых, заляпанных грязью девочек в одинаковой одежде, с самодельными рюкзаками и растрёпанными косами, заподозрит неладное. А учитывая то, что, скорее всего, наши фотографии уже висят на каждом столбе и мелькают в теленовостях, то отправиться к людям – всё равно что назад, в руки преследователей.

Стоило подумать о погоне, как она дала о себе знать – в лесу снова залаяла собака. Яринка дёрнулась всем телом.

– Мы не успеем обойти поезд, придётся лезть под ним!

– Куда лезть? – уныло спросила я. – На той стороне люди.

– Лучше люди, чем собаки. – Яринка так и не встала на ноги и явно примеривалась, как проскочить под вагоном подалеже от устрашающих пар могучих колёс.

– Я не полезу под поездом! – торопливо предупредила я. – Вдруг он поедет?

– Ага, столько стоял и не ехал, а тут так обязательно поедет, – закатила глаза Яринка.

Вот всегда подозревала, что у подруги, как выражались у нас в Маслятах, «поганый» язык. Что недавно в лесу она накаркала погоню своей жалобой, что сейчас! Не успела я ничего ответить на это её воистину несчастливое высказывание, как поезд вздрогнул всем своим бесконечным железным туловищем. От начала состава к его хвосту прокатился рокот, и я отпрыгнула назад, а Яринка, уже подобравшаяся почти к самым колёсам, клубком откатилась в сторону.

– Ай, мама! – Она торопливо вскочила, зачем-то трясла ладонями. – Вот зараза!

Товарняк поехал. Очень медленно его чудовищная тяжесть двинулась по рельсам, заставляя вздрагивать землю под нашими ногами. Я невольно залюбовалась этой картиной, испытывая трепет и восхищение. Никогда до сего момента мне не доводилось видеть поезда вживую, да ещё так близко. Дисплей планшета и даже большой экран телевизора в уютской гостиной, оказывается, не передавали и десятой доли стальной мощи этого ожившего чудовища. Невозмож-

но было поверить, что гигантская грохочущая змея сделана руками человека...

– Пригнись! – Яринка дёрнула меня за руку.

– Что? – Заворожённая зрелищем медленно набирающего скорость товарняка, я не сразу сообразила, что напугало мою подругу. А когда увидела – торопливо присела на корточки. До этого мимо ползли высокие глухие вагоны-контейнеры, но сейчас к нам приближались открытые платформы с невысокими бортиками, которые уже не могли бы скрыть нас от взглядов с другой стороны.

Теперь мои глаза оказались на уровне всё быстрее и быстрее катящихся по рельсам колёс, за которыми можно было видеть фонарные столбы, ещё дальше – улочку с деревянными домами, и... бредущих по этой улочке двоих мужчин в форме железнодорожников. Были они ещё далеко, но с каждым шагом неумолимо приближались.

Вот и закончилась наша беготня. Сейчас поезд пройдёт мимо, и мы окажемся в клещах, как на ладони между надвигающейся из леса погоней и двумя скупающими служивыми, которые точно не замедлят к этой погоне присоединиться.

Яринка тоже увидела новую опасность. Она шумно втянула воздух сквозь сжатые зубы, загнанно оглянулась через плечо на деревья, из-за которых вот-вот должны были появиться преследователи, снова дёрнула меня за руку:

– Делай как я!

И, резко сорвавшись с места, кинулась к движущемуся составу.

Раскрыв рот, я смотрела, как она подбежала вплотную к одной из платформ, несколько метров трусила рядом, а когда поравнялась с короткой металлической лестницей, ухватилась за неё руками и запрыгнула на нижнюю ступеньку. Призывно оглянулась на меня. Только тогда я поняла, что уже бегу следом, бегу движимая одним желанием – не позволять увеличиться расстоянию между собой и подругой.

Яринка перегнулась через низкий бортик платформы и кувыркнулась вниз, но тут же приподнялась, снова замала мне рукой. Я догнала уже довольно резво движущуюся над землёй лестницу, ухватилась за неё, чуть не потеряв при этом равновесие. Неуклюже побежала рядом, обмирая от близости грохочущего чудовища.

– Прыгай! – крикнула Яринка. – Быстрее!

Я сама понимала, что надо быстрее, ноги уже еле успевали за ускоряющейся платформой, но не могла побороть боязнь. Казалось, стоит только оторваться от земли, и я упаду под огромные вращающиеся колёса, хищный блеск которых видела у себя под боком.

– Прыгай! – снова закричала Яринка. – Насыпь!

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, но проследила за взглядом подруги и от страха чуть не отпустила лесенку. Впереди начинался подъём, земля уходила вниз, и её заменяла крутая насыпь из щебня. Бежать по ней я бы точно не смогла.

– Да прыгай же!

Зажмурившись от страха и судорожно вдохнув, я толкнула себя вверх и вбок, прижавшись грудью к мокрому и холодному металлу лестницы, на миг повисла на руках, заболтала ногами. И встала коленом на нижнюю ступеньку. Опасливо глянула вниз, торопливо подтягивая вторую ногу. Подо мной уже проносилась щебёнка...

– Залазь! – Яринкины пальцы вцепились в мой рукав, и я торопливо поползла по лесенке. К счастью, она была очень

короткая, и скоро я, совсем как недавно подруга, кувыркнулась через борт на дно платформы. Ошалело начала приподниматься на четвереньки, но Яринка навалилась сверху, прижала всем весом.

– Не высовывайся, могут увидеть!

И то верно. Поезд набирал ход, уносил нас прочь от пого-ни, но если кто-то успел заметить нашу «посадку», хотя бы те железнодорожники на станции, то пиши пропало. С этой платформы мы никуда не денемся, скорость уже такая, что прыгать опасно.

Несколько минут мы лежали без движения, приходя в себя. Наконец, я приподняла голову и попыталась выглянуть за бортик. Деревянные домики и дорога между ними давно остались позади, теперь мимо с обеих сторон летел только лес. Я смотрела на него и чувствовала, как постепенно испуг сменяется осторожной радостью. Оторвались?

Словно отвечая на мой незаданный вопрос, Яринка весело прокричала рядом:

– Они нас не заметили! Я видела, когда мы уезжали, они смотрели в другую сторону! А те, с собаками, из леса так и не вышли!

– Ты молодец! – прокричала я в ответ – несущийся товарняк гремел так, что разговаривать тише не имело смысла. – С поездом быстро сообразила!

Яринка сияла. И надо сказать, имела на это полное право. Вот так красиво уйти из клещей, из, казалось бы, безвыходной ситуации, дано не каждому. Повинуясь радостному порыву, мы обнялись и, продолжая держать руки на плечах друг друга, восторженно смотрели на мчащиеся назад деревья. Ветер ревел вокруг, трепал наши волосы и одежду, охлаждал разгорячённую кожу. Вибрация чудовищной тяжести состава передавалась в моё тело через дно платформы, и, на какой-то миг почувствовав себя одним целым с мчащимся вперёд железным зверем, я чуть не завизжала от восторга. Наверно, и завизжала бы, всё равно визг не был слышен за грохотом колёс, но где-то глубоко внутри, за восторгом и ликованием, царапался беспокойный червячок. А прислушавшись к нему, я уже по-другому посмотрела на несущийся мимо бесконечный лес.

И спросила у Яринки:

– А как мы теперь назад?

Глава 2

На свободе

— А как мы теперь назад? — тревожно спросила я у Яринки, но она поглядела на меня совершенно безмятежно.

— Да так же. Дождёмся, когда поезд остановится, и спрыгнем. А потом по рельсам обратно, времени у нас полно.

И я успокоилась. Действительно, впереди ещё почти трое суток, по крайней мере будет чем их занять, вместо того чтобы бесцельно ходить кругами по лесу.

Мы устроились у борта платформы, положив на него руки, и любовались проносящимися мимо пейзажами. Когда попадались переезд или жилые дома, приходилось пригибаться, но это случалось нечасто. Вдобавок ко всем радостям тучи, обложившие небо со вчерашней грозы, начали быстро рассеиваться, показалось солнце, и под его лучами и встречным ветром наша сырая одежда стала стремительно сохнуть.

Так прошёл час. За ним другой. А поезд и не думал останавливаться. Я всё чаще косилась на Яринку и видела, как постепенно безмятежность на её лице уступает место сомнениям, а на лбу всё яснее обозначается знакомая тревожная складочка.

Когда солнце на уже совершенно безоблачном небе минуло зенит и заскользило к западу, я придвинулась к подруге и прокричала сквозь грохот колёс:

– Ярин, когда он остановится?

Она замешкалась с ответом, что само по себе было очень дурным признаком, а потом призналась, избегая моего взгляда:

– Я раньше только на электричках ездила! Они останавливались очень часто! А этот... не знаю...

Я помолчала, пытаюсь осознать серьёзность этого заявления. Вот же Яринка... электрички у неё! Но обвинять подругу не было ни желания, ни смысла, всё равно она молодец, что придумала запрыгнуть на этот поезд, ведь тогда иного выхода у нас всё равно не было.

В течение дальнейших нескольких часов мы не разговаривали. Не потому, что трудно было каждый раз перекрикивать грохот мчащегося в неизвестность состава, а просто – о чём теперь говорить? Поезд не останавливался, он, равнодушно стуча колёсами, увозил нас всё дальше от приюта, от нашего леса, от встречи с *другими*. Я не знала его скорости и никак

не могла её измерить, но уже понимала, что позади осталось такое расстояние, которое не пройти пешком и за две недели, не то что за три дня. Сначала я тешила себя мыслью, что мы сможем так же запрыгнуть на другой поезд, идущий в обратном направлении, и вернуться. Но чем дальше мы ехали, тем больше я видела стрелок и поворотов, рельсы то разветвлялись, убегая в разные стороны, то снова собирались в одно полотно. И не было никаких гарантий, что, даже если нам удастся попасть на другой состав, он не увезёт нас в совершенно чужом направлении.

Глаза уже устали от мельтешения деревьев и столбов, солнце пекло нестерпимо, и мы легли у переднего края платформы, который хоть как-то мог защитить нас от встречного ветра. Прикрыли головы лапами пальто, создавая искусственную тень. От бесконечной тряски и грохота я впала в некое потустороннее состояние и не ощущала времени. Может быть, даже задремала. Не помню, знаю лишь, что в себя меня привёл сбой в равномерном стуке колёс. Теперь он стал реже. Мы явно замедлялись.

Настороженно высунув голову из-под пальто, я зажмурилась от яркого света и не сразу разглядела, что Яринка уже не лежит рядом, а сидит в неудобной позе, напряжённо вытянув шею. Я последовала её примеру, но тут же испуганно пригнулась. Мы ехали сквозь какой-то город, мимо проплы-

вали высотные дома и оживлённые улицы. Снова пришлось распластаться на полу, чтобы не быть кем-то случайно замеченными. Теперь наш поезд двигался медленнее, несколько раз сипло вскрикнул, навстречу проезжали другие составы, как товарные, так и пассажирские. Из их окон нас наверняка было видно как на ладони, и оставалось только надеяться, что у пассажиров хватает своих забот, чтобы уделить внимание двум ненормальным сумасбродкам, катающимся на открытой платформе товарняка.

Яринка придвинулась ко мне, обрадованно прокричала:

– Вот теперь он точно остановится!

Но я не разделяла её энтузиазма. Ну остановится, и что? Куда мы денемся посреди незнакомого города? Да нас опознает первый же полицейский, а может, и просто любой прохожий, у которого дома есть телевизор. Я и сама не раз видела в приюте, как прерывали трансляцию кино или передачи, чтобы показать фотографии пропавших людей.

Но поезд не остановился. Двигаясь то медленнее, то быстрее, он миновал город, оказавшийся не таким уж большим, и, набирая скорость, устремился дальше по своему неизвестному нам маршруту. Ещё какое-то время я сидела у бортика, непонятно, на что надеясь, потом вновь улеглась на дно

платформы, где уже лежала Яринка.

Вот было бы здорово, начала я мечтать, двигайся наш товарняк на восток, в сторону Сибири! Мы бы доехали до тайги и отправились на поиски деревни вроде Маслят. И обязательно нашли бы её, и нас бы приняли там как родных, едва узнав, кто мы такие и через что прошли. А потом кто-нибудь из местных жителей пригляделся бы ко мне повнимательнее и спросил: «А твою маму случайно не Аля зовут?» И я бы закричала: «Да, да, Аля, Алина!» И все бы радостно засмеялись, потому что всё так замечательно складывается, ведь Аля и Марк, сбежавшие из тюрьмы, тоже пришли сюда и скоро вернутся с охоты...

Из мечтаний, которые уже почти перешли в тяжёлый сон, меня выдернул гудок тепловоза впереди. И я свернулась комочком, пытаюсь спрятаться сама в себя от чёрной безнадёжности. Наш поезд ехал не на восток, а на юг. Всё время строго на юг. И я впервые пожалела о том, что умею безошибочно определять по солнцу стороны света. Лучше бы погода осталась пасмурной, тогда у меня, по крайней мере, была бы какая-то надежда...

Пейзаж вокруг изменился. Больше не было корабельных сосен, не было и елей. Сначала лес стал лиственным, а потом вообще исчез, уступив место полям вперемешку с небольшо-

ми рошицами. Однажды мы пронеслись над широкой рекой, и у меня даже мелькнула шальная мысль прыгнуть в воду, но мимо в смертельной близости пролетали чугунные пролёты моста...

Вид синей водной глади вновь разбудил в нас жажду, и я с тоской вспомнила оставшуюся далеко позади бочку, наполненную сладкой дождевой водой. Где она сейчас, эта бочка? Где гостеприимная веранда пустующего дачного домика? Необъятные просторы уносились назад, и не было им ни конца, ни края...

Один раз поезд всё-таки остановился, но вокруг оказалась шумная станция со снующими туда-сюда людьми, а деловитые дядьки в оранжевых жилетах шли вдоль состава, громко стуча по колёсам и перекрикиваясь друг с другом. Да и остановка оказалась совсем недолгой – уже скоро впереди снова загудел тепловоз, состав содрогнулся, и наше невольное путешествие продолжилось.

Закат солнца мы встретили с радостью. Он обещал скорую прохладу, а вместе с ней, возможно, хоть частичное избавление от мук жажды, которая на этот момент уже заглушила голод. Но вышло совсем не так. Да, жара спала, но на смену ей вместе с сумерками пришёл холод. Резкий встречный ветер не давал никакой возможности согреться. Прижавшись

друг к другу у переднего бортика, мы, как могли, завернулись в пальто, но это не помогало — холод шёл в том числе и снизу, от железного дна платформы.

Эта ночь тянулась бесконечно. Поезд мчался сквозь тьму, и назад убегали близкие и далёкие фонари, встречные составы, тёмные груды деревьев. А ещё окна. Чьи-то уютно светящиеся окна, за которыми счастливые люди нежились в своих тёплых постелях. Той ночью я впервые почувствовала ненависть к тем, чья судьба сложилась удачнее моей. Чем они лучше меня, эти холёные горожане, которые не знали и никогда не узнают, как это — быть оторванной от родителей, от всего того, что ты знала и любила? Какое право они имеют наслаждаться домашним уютом, когда я замерзаю здесь, под резким ветром, когда губы мои потрескались от жажды, а живот свело от голода? В чём моя вина и в чём их заслуга?

Яринка не разговаривала со мной. Она лежала, подтянув колени к животу, и даже сквозь тряску товарняка я ощущала быющую её крупную дрожь. Но помочь подруге ничем не могла, лишь теснее прижималась к ней, пытаюсь хоть чуть-чуть поделиться своим теплом, которого, впрочем, и сама уже не ощущала. Во всей этой ситуации радовало, пожалуй, только одно — перед лицом физических страданий померкла безвыходность нашего положения. Я больше не думала о том, что не попаду на встречу с *другими*, о том, что больше

не увижу Дэна, о том, что, даже если мы, в конце концов, покинем чёртов поезд, идти нам будет совершенно некуда. Всё, к чему теперь свёлся смысл моего существования – это желание согреться, попить и поесть. Три великие цели, затмившие всё остальное. И оно, это остальное, сейчас казалось ничего не значащей ерундой, недостойной внимания.

Рассвет, забрезживший на востоке спустя вечность, не принёс облегчения, но принёс надежду. Мы увидели, что небо чистое, а значит – скоро будет солнце. Солнце, от чьих лучей вчера мы не знали, куда деваться, и приветствовать которое сейчас были готовы с фанатизмом древних язычников.

В разгорающемся свете нового дня я посмотрела на Ярину, которая поднялась с пола и теперь сидела, обхватив себя за плечи, неотрывно глядя на зарумянившийся горизонт. Посмотрела и испугалась. Никогда не думала, что человек за какие-то пару дней может так повзрослеть. С её лица исчезла детская округлость, скулы болезненно заострились, губы потрескались, а на шее проступили синие венки. Но разительнее всего изменились глаза. Запавшие, обведённые тёмными кругами, они приобрели совершенно не свойственное моей подруге выражение смиренной обречённости.

Я даже пожалела, что у нас с собой нет зеркала – хотелось

посмотреть, не произошли ли и со мной подобные перемены? Во всяком случае, то, что я похудела, было уже понятно по обвисшему, ставшему свободным в талии платью. Да и волосы, падающие на глаза спутанными сосульками, оставляли желать лучшего. Ох, видела бы нас сейчас Агафья...

Агафьи здесь не было. Не было ничего, хоть чем-то напоминающего прежнюю жизнь. Было грохочущее чудовище, уносившее нас на своей бесконечной железной спине в неизвестные дали, были пролетающие мимо чужие места, уже ничем не похожие на окружающие приют уютные сосновые леса. Казалось, даже небо стало другим, более глубоким, и уже не ласково-голубым, а ярко-синим даже на рассвете.

– Дайка, надо прыгать! – хрипло прокричала-просипела Яринка и закашлялась.

Я непонимающе уставилась на неё.

Подруга мотнула головой в сторону восходящего солнца.

– Сегодня будет жарко! Очень жарко! Я пить хочу!

Я тоже хотела пить. Голод давно забылся, перестал существовать, холод тоже почти отступил, но жажда никуда не делась, она была тут, с нами, горячей сухой рукой сжимала

горло. И уходить не собиралась. «Плоть слаба», – говорил батюшка Афанасий на службах, но только теперь я поняла горький смысл этих слов. Если бы можно было сейчас отмотать время на три дня назад и отказаться от всей это авантюры, отказаться от Дэна, от встречи с *другими*, от шанса на новую жизнь в обмен на стакан обычной воды, я бы это сделала. Я бы выпила этот стакан и осталась жить, как жила, выбросила бы из головы всё, кроме желания ежедневно получать необходимый для жизни минимум. Воду. Еду. Тепло. И будь что будет...

Перегнувшись через борт, я посмотрела вниз, на несущуюся под нами землю. Потом на Яринку. И покачала головой. Прыжок с поезда сейчас означал если не смерть, то тяжёлые травмы точно. А в нашем положении даже растянутая лодыжка – конец всему. Не сможем идти, не сможем найти воду. Яринка поняла, застонала и легла ничком на трясущееся дно платформы.

Так мы встретили новый день.

Солнце быстро карабкалось вверх, держа курс на зенит. Оно согрело нас, больше не было необходимости сжиматься в комочек, и мы смогли вытянуться во весь рост. Любопытаться проносящимися мимо пейзажами уже не было ни сил, ни желания. Но, время от времени поднимая голову, чтобы

осмотреться, я замечала, как изменились эти пейзажи. Исчезли редкие рощицы деревьев, а по обеим сторонам путей тянулись бескрайние поля, то беспорядочно заросшие сорной травой, то тщательно вскопанные и казавшиеся чёрными от вывернутой наизнанку земли. Иногда попадались мелкие речушки и болотца: от них я торопливо отводила глаза, чтобы лишний раз не дразнить и без того свирепствующую жажду. Но это мало помогало. Ближе к полудню, когда наше пребывание на платформе сравнялось одним суткам, я впервые подумала, что здесь мы можем умереть. Ведь если без еды человек способен протянуть месяц и дольше, то жажда куда более сурова. Три дня, четыре? Добавить сюда невыносимый солнцепёк днём и ветреный холод ночью – вот и готовы очень благоприятные факторы для неизбежной гибели. Но намного раньше мы ослабеем настолько, что уже не сможем покинуть злополучный поезд, даже если он остановится.

А значит, пора что-то делать.

Перекатившись поближе к Яринке, я прокричала, чтобы она готовилась прыгать. Подруга посмотрела на меня непонимающими мутными глазами.

– Прыгать?

– Да! Я сейчас сяду у края и буду смотреть, где лучше!

Как только скажу, сначала выбрасывай сумку, а потом прыгай сама!

Яринка подумала, безразлично кивнула и снова уронила голову на руки.

И, устроившись у бортика, я стала ждать.

Судьба улыбнулась нам после обеда, когда солнце висело в зените и муки жажды стали настолько чудовищны, что я уже готова была покинуть поезд на полном ходу, как только увижу впереди очередную реку или озерцо. Да что там озерцо, хоть лужу! И пусть при этом мы переломаем кости, но даже с переломами обязательно доползём до этой лужи. Напьёмся вволю, а там можно будем и помирать.

Но прыгать на скорости не пришлось. Впереди вдруг снова затрубил тепловоз, а затем сила инерции швырнула меня вперёд, на дно платформы. Под ней завизжали колёса, по составу от носа к хвосту снова прошёл грохот, и поезд начал тормозить, сотрясаясь всем своим многотонным телом.

При падении я ударилась о бортник плечом и щекой, да так, что из глаз полетели искры, но даже не почувствовала боли. Сразу снова села, цепляясь пальцами за неровности в полу. Поезд тормозил – с трудом, со скрежетом, в борьбе с самим

собой – но тормозил, и куда быстрее, чем это было раньше! Я обернулась к Яринке, крикнула хрипло:

– Прыгаем! Сейчас!

Но она уже и сама подобралась, схватила в охапку вещи. Преодолевая силу инерции, по-прежнему тащившую нас к переднему бортику, мы изловчились и вышвырнули вон свои сумки и пальто. И, если сумки упали на соседнее полотно между рельсами, то пальто, отчаянно замахав рукавами, унеслись по воздуху куда-то назад, скрылись из виду. Поезд продолжал снижать скорость, и я ухватила за плечо Яринку, уже готовую перевалиться через бортик.

– Подожди! Он остановится!

– А если нет?! – Она пыталась вырваться, мне пришлось вцепиться в паникующую подругу двумя руками и удерживать, пока состав снова не завизжал колёсами и не остановился, дёрнувшись так резко, что мы опять оказались лежащими на боку. Но нам даже не пришлось подниматься на ноги для того, чтобы покинуть опостылевшую платформу – оказалось достаточно просто дотянуться до бортика, ухватиться за него, подтянуться на руках, перекинуть одну ногу...

Следующее, что я увидела, – могучие, пышущие жаром,

словно разгорячённые кони, колёса прямо у себя перед лицом. Правый локоть, на который я упала, мучительно ныл, в ушах всё ещё стояли шум и скрежет.

Что-то придавило мне ногу. Неловко перекатившись на спину и скосив глаза, я увидела упавшую рядом Яринку. Она зачем-то подтянула колени к груди и замерла, зажмурившись. Ушиблась? Я завозилась, пытаюсь сесть и перебраться поближе к подруге, но тут прямо над головой опять гроыхнуло, колесо, находившееся в каких-то двадцати сантиметрах от моей головы, пришло в движение. Поезд, непонятно по какой причине так резко затормозивший посреди бескрайних полей, двинулся дальше. Без нас.

Я принялась судорожно отползать, испуганно таращась на всё быстрее катящиеся мимо стальные пары колёс. Но сил хватило лишь отодвинуться до соседнего рельса и прижаться ему спиной. Вагоны неслись над нами, вздрагивала земля, горячий ветер бил в лицо... А потом очень внезапно всё кончилось. В глаза ударило солнце, которое больше не загораживало бесконечное тело поезда, и его грохот стал быстро откатываться прочь, уступая место тишине, нарушаемой лишь пением птиц и стрёкотом кузнечиков.

Мы пролежали без движения и без звука несколько невыразимо прекрасных минут. За прошедшие сутки я так при-

выкла к тряске и шуму, что нынешнее состояние покоя и тишины показалось чем-то нереальным. Словно мы вдруг попали в иное измерение.

Яринка оклемалась первой. Завозилась у меня в ногах, что-то неразборчиво бормотнула.

– Мм?.. – вопросительно простонала я, не открывая глаз.

– Надо убираться с рельсов. – Подруга подёргала меня за ступню. – А то другой поезд пойдёт и размажет нас...

Мы поднялись, охая и потирая ушибленные при падении места. Пройдясь чуть назад, нашли свои сумки, а вот пальто в пределах видимости не наблюдалось.

– Может, чёрт с ними? – нетерпеливо предложила Яринка. – Жарко.

Я вспомнила бесконечную ночь с её пронизывающим ветром и поёжилась.

– А если опять дождь? Или похолодает? Их, наверно, отнесло в сторону, давай поищем.

Вдоль рельсового полотна тянулись заросли низких ку-

стов, за которыми простирались вспаханные поля, и нашим пальто, по сути, некуда было больше деться, кроме как застрять в этих кустах.

Медленно, через силу, мы поплелись мимо них, всматриваясь в заросли. Ноги были подобны переваренным макаронинам, подгибались при каждом шаге и норовили разъехаться в стороны под тяжестью тела. Сначала я подумала, что виной тому долгие часы сидения на тряской платформе, но слабость не проходила, и пришлось списать её на голод и жажду.

Одно пальто мы нашли быстро, оно покачивалось на упругих ветках кустов неподалёку от места нашей аварийной высадки. А вот второго видно не было.

– Может, оно зацепилось за один из вагонов и уехало? – уныло предположила Яринка после нескольких минут бесплотных поисков.

Я уже хотела попросить её смотреть получше, но замолчала на полуслове и насторожилась. До ушей долетел звук, ставший мне ненавистным за последние сутки. Приближающийся стук колёс.

– Прячемся!

Прятаться здесь, кроме тех же кустов, было больше негде, и мы вломились в них, как два снаряда, столько неприязни у нас теперь вызывал не только вид, но и шум поездов. И, как выяснилось, вломились очень удачно, потому что здесь, под низкой насыпью, обнаружилась неглубокая канавка, наполовину заполненная мутной водой.

Знаю, очень неразумно пить воду, набежавшую из-под колёс снующих туда-сюда составов, но об этом можно задуматься, сидя дома с водопроводом под боком. А мы сейчас, едва увидев влажный блеск среди травы, кинулись туда и, упав на четвереньки, опустили лица в спасительную канавку. И пили, захлёбываясь, под грохот проносящегося мимо пассажирского поезда, не думая о том, как выглядит эта картина из его окон.

Вместе с водой, поступающей в наши измученные и истощённые тела, возвращались краски мира. И когда я подняла от канавки мокрое лицо, то словно заново увидела и синеву неба, и свет солнца, и бескрайние просторы полей. Последнее меня поразило больше всего. Никогда раньше мне не доводилось наблюдать столько открытого пространства сразу. В Маслятах вокруг всегда были деревья, сплошная тайга, карабкающаяся вверх-вниз по убегающим вдаль сопкам. В приюте здания и лес вокруг них тоже никогда не давали увидеть горизонт. А здесь небо нависало надо мной

во всей своей пугающей бездонности, исполинским синим куполом.

Отвалившись от канавки, я распласталась на спине, заво-
роженно глядя в эту синеву и ни о чём не думая. Рядом с ше-
лестящим вздохом легла и затихла Яринка. Так мы и лежа-
ли, не двигаясь, чувствуя, как долгожданная влага разбега-
ется вместе с кровью по всему телу, питая его и восстанавли-
вая. Мимо проносились поезда, солнце двигалось по небу,
травы качались вокруг, и снова я была счастлива. Примитив-
ным, почти животным счастьем, просто от факта своего су-
ществования.

А потом мы шли вдоль путей, под прикрытием кустов.
Шли без цели и направления, почти не разговаривая. Во-
да придала нам сил, слабость в ногах не прошла, но боль-
ше не было боязни упасть на ровном месте. Да и торопиться
не приходилось, поэтому брели мы кое-как, при желании
присаживаясь на землю и отдыхая. И одновременно с на-
ступлением красивейшего заката, раскинувшегося на полне-
ба, выбрали к домам.

– Отсюда я не уйду, пока чего-нибудь не поем! – реши-
тельно заявила Яринка, глядя на утопающие в зелени огоро-
ды за деревянными изгородями.

Я лишь кивнула. Теперь, когда жажда была утолена, главным вопросом на повестке дня стал голод. И вопрос этот требовал незамедлительного решения.

– Мы ехали на юг, – принялась я размышлять вслух. – Сутки без остановок на юг. Сейчас мы должны быть там, где всё начинает расти раньше. Тут уже должна быть еда в огородах.

Яринка с сомнением кивнула:

– Да, но это не сады, это какой-то посёлок. Люди здесь живут постоянно. Нас могут поймать.

Я лишь дёрнула плечом. Как будто есть из чего выбирать! Глупо погибать от голода в двух шагах от еды, рискнуть всё равно придётся. Вот только...

– Дождёмся темноты, – решила я. – Пусть все лягут спать, тогда и пошарим по огородам.

Ожидание нас не утомило, потому что мы сами уснули сразу же, как только нашли укромное местечко в тени сиротливой группы деревьев, в стороне от железной дороги. Пройшей ночью, проведённой на тряской платформе под пронизывающим ветром, спать почти не пришлось, так что теперь,

в тепле и тишине, сон сморил нас мгновенно...

...Когда гораздо позже я открыла глаза в ночной темноте, то какое-то время не могла вспомнить последних событий. В голове была абсолютная пустота, в теле – слабость. И слабость уже не пугающая, не вызывающая протеста, а почти уютная, убаюкивающая, такая, какую не хочется прогонять. Но внутреннее знание, голос-без-слов, ставший громче и отчётливее за последние дни, подсказал мне, что такой слабости нельзя поддаваться и что дарованный ею покой обманчив. Поэтому я с трудом села, чувствуя сильное головокружение и цепляясь пальцами за траву, словно боясь, что земля выскользнет из-под меня. Огляделась.

Ночь вокруг стояла чудесная! Ветки каких-то больших и раскидистых деревьев, у корней которых мы устроились, едва слышно шептались под тёплым ветерком. Только сейчас я поняла, что мы спали не укрываясь (второе пальто так и не нашлось), но ничуть не замёрзли. Юг... В траве стрекотали сверчки, со стороны посёлка светили уютные огоньки. А подняв голову, я увидела звёзды и тихонько охнула.

Небо, отличавшееся от привычного мне даже днём, ночью выглядело совсем фантастично. Бездонное, бархатно-чёрное, раскинувшееся во все стороны до далёких горизонтов, оно было так густо усеяно звёздами, что казалось колючим

от их острых лучей. Зрелище настолько неожиданное и чарующее, что я принялась трясти за плечо спящую Яринку, боясь, что она не увидит этой красоты.

Подруга села с заметным трудом и повела вокруг непонимающим взглядом. Я дала ей несколько секунд, чтобы вспомнить недавние события, и указала пальцем вверх.

– Смотри!

Яринка посмотрела, но особых восторгов не выразила. Пожала плечами:

– Тут, наверное, больших городов поблизости нет, вот и видно звёзды так хорошо. Свет не мешает.

Я подумала о том, что и в Маслятах не было поблизости больших городов и никакого света, однако звёзд таких тоже не было. Но... где Маслята и где мы сейчас? Наверняка же на разных широтах и небо выглядит по-разному.

Яринка была настроена куда более прагматично.

– Ну что, пойдём искать еду?

– Пойдём. – Я поднялась на ноги, постояла, закрыв глаза,

переживая приступ головокружения.

И мы побрели к светящимся в стороне окнам посёлка.

При ближайшем рассмотрении он оказался вовсе не таким тихим и маленьким, каким выглядел издали. Несмотря на то что домики были в основном одноэтажными, чувствовалось, что люди здесь не бедствуют. Ухоженные газоны и цветущие клумбы, кованые ворота и чистые машины на подъездных дорожках говорили о благосостоянии и хозяйственности местных жителей. И эта хозяйственность вкупе с некоторой беспечностью спасли нас. В первом же огороде, в который мы проникли сквозь металлическую ограду, между прутьями которой сумели легко протиснуть свои похудевшие тела, обнаружилось настоящее пиршество! Незапертая теплица, полная крупных наливных помидоров.

Есть мы начали прямо там, не было сил заставить себя потерпеть ещё немного. Вгрызались зубами в сочные, брызжущие соком плоды, давились, урчали, как сердитые котята, боящиеся, что у них отнимут лакомый кусок. Не знаю, сколько помидоров я сумела запихнуть в себя, но в итоге живот раздулся до такой степени, что вызывал серьёзные опасения: а сможем ли мы уйти обратно тем же путём, каким пришли?

Смогли, хоть и с трудом. И унесли с собой столько поми-

доров, сколько оставалось в разорённой нами теплице. Кроме этого, прихватили несколько пучков зелёного лука с грядки. А вернувшись под гостеприимные деревья, снова уснули, на этот раз не тревожным, болезненным сном, больше похожим на обморок, а по-настоящему, как спали в своих приютских постелях после сытного ужина.

Возле этого посёлка, название которого так и осталось мне неизвестным, мы провели пять дней и четыре ночи, наполненных сытостью и ничегонеделанием. Воду брали из небольшого ручейка, найденного к востоку от железной дороги, а еды в изобилии хватало в огородах, куда мы навещались еженощно. Правда, еда эта была всего лишь помидорами и огурцами вприкуску с зеленью, но после дней голода нам и они казались невероятно вкусными и сытными.

По ночам мы добывали пропитание и устраивали радостный пир, утром и днём отсыпались, а вечером, на закате, гуляли по полям, уже без прежней неприязни глядя на проносящиеся мимо поезда, кое-как ополаскивались в ручейке, там же пытались стирать одежду. Теперь я уже не жалела о том, что поезд увёз нас на юг, а не куда-нибудь ещё. Холодно больше не было. В посёлке мы раздобыли большую картонную коробку, которую разогнули и постелили под деревьями, соорудив лежбище. Укрывались одним оставшимся у нас пальто. Я даже подумывала соорудить шалаш, но боя-

лась, что его кто-нибудь заметит и заинтересуется.

О будущем мы по молчаливому согласию не говорили. Какой смысл говорить о том, чего нет? И я, и Яринка прекрасно понимали, что рано или поздно будем пойманы и возвращены в коррекционный приют (наш или какой-нибудь другой, уже неважно) до четырнадцати лет, после чего отправимся в колонию. Умышленный поджог церкви – это вам не тот поступок, который можно списать на детское озорство. Да и детьми мы уже не были. О сроке в колонии, который мы получим, думать тоже не хотелось. Какая разница, если даже после освобождения наша жизнь будет мало отличаться от жизни заключенного? Яринка припомнила, что судимые женщины направляются не просто на промышленное производство, а на вредные работы, на строго охраняемые объекты, куда добровольно не пойдёт ни один законопослушный гражданин.

Так что мы не строили никаких планов и ничего не желали, просто наслаждались бытием. Эти поля, эти закаты, эти звёзды принадлежали нам, пока мы были здесь. Нам принадлежали жаркие солнечные дни и бархатные травяные ночи, шум проезжающих поездов и уютный свет посёлковых окон. Мы ели и пили вдоволь, мы спали, сколько хотели, нам никто не мог что-то запретить, нас никто не мог в чём-то ограничить. Мы были богаты и свободны, а разве это не та жизнь,

о которой только можно мечтать?

Я даже подумывала о том, что, когда нам надоеет это место, можно попробовать снова попасть на поезд (на этот раз, разумеется, взяв с собой еду и воду) и уехать в другие края, умчаться за горизонт к иным просторам.

Из общего безмятежного состояния выбилась только ночь с пятницы на субботу. Та самая ночь, в течение которой где-то далеко к северу отсюда ждала нас на перекрёстке машина с поднятыми «дворниками». Ждала и не могла дожждаться. И когда над горизонтом забрезжил рассвет и в кронах деревьев запели первые птицы, я тихонько заплакала, отвернувшись от спящей рядом Яринки. Заплакала, потому что ясно увидела внутренним взором, как машина эта заводится, разворачивается и уезжает в сером свете занимающегося утра. Уезжает в туман, стелющийся над дорогой, растворяется в нём, чтобы никогда не вернуться.

Но даже над этим я не думала долго. Возможно, проявила циничность, не став жалеть о том, чего всё равно не исправить. А может, дала о себе знать защитная реакция психики, но уже через несколько минут после непрошенных слёз я крепко спала. А днём как ни в чём не бывало нежилась на берегу ручья, полоща в нём босые ступни и лениво болтая с Яринкой о всяких пустяках.

Постепенно мы осмеливались уходить всё дальше и дальше от своего временного пристанища, углублялись в бескрайние поля, где не было ничего, кроме трав и ветра, где вдали от людей свобода ощущалась особенно безгранично. Наши лица покрылись загаром, волосы, которые мы больше не заплетали в косы, выгорели на солнце, тела окрепли. Не знаю, как у меня, но у Яринки изменился даже взгляд. Теперь она смотрела на окружающий мир не настороженно, как в приюте, а безмятежно и слегка отрешённо, словно мыслями всегда была где-то в другом месте. Мы часто и много смеялись, а время от времени начинали хором орать песни, среди которых были и весьма неприличные частушки, какие Яринка слышала в городской школе. А благодаря свежему воздуху и постоянному движению наш сон на картонке под кронами деревьев стал таким крепким, каким никогда не был в тёплых и мягких постелях приюта.

И, несмотря на всю безысходность нашего положения, эти южные дни полной свободы запомнились мне как одно из самых счастливых и последних воспоминаний детства.

Всё кончилось на пятую ночь. Уже привычно мы пробрались в тёмный уснувший посёлок и, пригнувшись, двинулись по улице вдоль заборов, высматривая дом, на участке которого можно будет чем-нибудь пожить. Выбор пал на рас-

писной коттедж с мансардой, построенный в удивительном стиле – с закруглёнными углами, резными ставнями, пока-той крышей и декоративными башенками, на которых свети-лись уютные жёлтые фонари, он напоминал сказочный пря-ничный домик.

Мы невольно залюбовались этим чудом, глядя между пру-тьев такой же узорчатой и украшенной завитками ограды.

– Это ж сколько денег надо было вбухать в такую кра-соту? – мечтательно спросила Яринка, и от напоминания о деньгах мои мысли вернулись к насущным проблемам.

– Ну если тут водятся деньги, огород тоже должен быть хорошим. Лезем?

Подруга решительно кивнула, и мы перелезли через огра-ду, что было очень легко сделать благодаря её изгибам и украшениям. На четвереньках пробрались между грядок к большой теплице, такой же вычурной и разукрашенной, как и всё остальное здесь. Приоткрыли дверцу, скользнули внутрь, во влажное тепло и запах земли.

– Ух ты! – восхитилась Яринка, потянув к себе ближай-ший помидор размером с небольшую дыню. – Смотри, ка-кие! Наверно, это какой-то особый сорт...

Разделить её восторг я не успела. Неожиданно вокруг вспыхнул яркий свет, и пришлось зажмуриться. Одновременно с этим снаружи хлопнула дверь и сердитый мужской голос крикнул:

– Кто здесь?!

Я приоткрыла глаза и увидела, что под потолком теплицы горит лампа, освещающая её изнутри как аквариум.

– Бежим! – пискнула Яринка, бросаясь к выходу, в спасительную темноту.

Я поспешила за ней. Из-за неожиданного яркого света перед глазами плавали пятна, я плохо видела, куда бегу, и через несколько шагов растянулась посреди морковной ботвы.

– Стоять! – заревело от дома, а Яринка подхватила меня под локоть и потащила за собой прямо по грядкам.

Судя по раздавшимся сзади нечленораздельным воплям, хозяина огорода это взбесило донельзя. Вопли быстро приближались, и я, нащупав перед собой прутья ограды, принялась карабкаться по ним с резвостью взлетающей на дерево белки.

Мы успели. Спрыгнув на улицу, я не удержала равнове-

сия и опрокинулась на спину так, что прямо над собой увидела взбешённое, толстощёкое мужское лицо, искажившееся от ярости. К счастью, от него нас уже отделяли металлические прутья ограды, и всё, что мог преследователь, – ругаться страшными словами. Я даже успела удивиться тому, как он чересчур бурно реагирует на угрозу обеднеть на несколько помидоров.

Яринка снова помогла мне встать, и мы кинулись вдоль по улице, стараясь как можно быстрее оставить позади излишне впечатлительного владельца теплицы.

– Во псих! – выдохнула Яринка на бегу, когда мы почти оставили позади спящий посёлок. – А ещё в таком красивом доме живёт...

Я же удручённо подумала, что теперь придётся уходить в другое место. Опасно оставаться там, где мы столь шумно засветились. Да и на местные огороды путь нам теперь заказан.

А вопли и ругань за нашими спинами всё не смолкали, и, оглянувшись, я увидела, как распахивается калитка ограды, через которую мы только что так лихо перелетели, и на улицу выскакивает наш грузный преследователь в компании ещё одного мужчины, помельче. А с ними...

Яринка издала сдавленный крик ужаса и рванулась вперёд так, что разом оставила меня позади. И я её понимала, потому что помнила признание подруги, которое она сделала несколько дней назад, перед забором коллективных садов. «Я боюсь собак».

Наши преследователи держали на поводках двух псов. В темноте и на расстоянии было трудно разглядеть, какие именно это собаки, но по раздававшемуся нам вслед лаю – густому, низкому, взрывающему – стало ясно: огромные...

Глава 3

Оазис

Я не думала о том, где можно скрыться от погони. Яринка, вся во власти панического ужаса, тем более. Но мы обе, лишь выскочив из посёлка, кинулись к нашим деревьям, под которыми проводили последние ночи и которые стали нашим пусть временным, но домом. А куда ещё бежать в поисках спасения, как не домой?

И сначала мне даже показалось, что спастись получится. Мы оставили позади шумно топочущих мужчин с хрипящими на поводках псами и выбежали в открытое поле. Но здесь

высокая трава затрудняла передвижение, скорость пришлось сбавить. Однако и теперь мы бы наверняка смогли убежать, затеряться в темноте южной ночи, если бы преследователи, поняв, что теряют нас из виду, не отпустили собак.

Первой это увидела оглянувшаяся на бегу Яринка. Увидела и снова закричала, жалобно и пронзительно, как попавший в капкан зверёк, так, что я догадалась о том, что произошло ещё до того, как оглянулась сама. Вслед за нами быстро стлались по земле два сгустка черноты, ещё более тёмные, чем окружающая ночь. Псы перестали лаять, и от этого их неумолимое приближение выглядело ещё более зловещим. Оставленные ими далеко позади мужики азартно свистели.

Деревья были уже близко, надвигались шелестящей листвой громадой, и я, не отрывая от них взгляда, отрывисто бросила подруге:

– Сразу лезь наверх!

Не знаю, слышала она меня или действовала по своему безошибочному наитию, продиктованному инстинктом самосохранения, но стоило нам вбежать под сень крон, как подруга подпрыгнула и ухватила за нижнюю ветку ближайшего дерева. Заскребла носками ботинок по стволу. Я повисла рядом с ней, подтянулась, вскарабкалась до первой раз-

вилки, прыгнула на следующую, глянула вниз...

После я не раз укоряла себя за то, что поддалась страху и полезла на дерево первой, не посадив сначала подругу. Знала ведь, что деревья – не её стихия!

Яринка всё ещё была внизу, она снова и снова отчаянно пыталась подтянуться, закинуть ногу на одну из веток, но ей не хватало сноровки. А собаки приближались. Я прыгнула вниз. Не такая уж это была и высота, но я слишком торопилась, не успела сгруппироваться и упала неловко, боком. В правой лодыжке толкнулась острая боль, отозвалась в ступне, поднялась до бедра. В другое время я бы не спешила подниматься после столь неудачного приземления, но сейчас счёт шёл даже не на секунды, а на доли их. Я уже слышала хриплое дыхание собак и шелест травы, сминаемой тяжёлыми лапами.

Кое-как поднявшись на ноги, шагнула к продолжающей болтаться на нижнем суку Яринке и, обхватив руками её колени, изо всех сил толкнула вверх. Подруга, наконец, сумев перехватиться одной рукой за ветку повыше, подтянулась, легла животом на развилку, принялась судорожно карабкаться дальше. Облегчённо вздохнув, я уже приготовилась последовать за ней, но вдруг поняла, что не смогу этого сделать, потому что стою, перенеся вес на здоровую ногу, а вто-

рой, пострадавшей при падении, совершенно не чувствую... Я ещё успела прижаться к дереву, обнять его, словно в поисках защиты, и зажмурить глаза, когда прямо у меня за спиной раздались топот, рычание, и на плечи обрушилась душно пахнувшая псиной тяжесть.

Первая собака только сбила меня с ног в прыжке, швырнув в траву у подножия дерева, на котором отчаянно заголосила Яринка. Я даже успела перекатиться на спину, выставив перед собой руки в попытке защититься, когда прямо мне в лицо бросилась оскаленная пасть, обдав вонью, брызгами слюны и горячим дыханием. А потом во всём мире не осталось ничего, кроме боли.

Когда мне было лет пять и наши охотники приносили из тайги убитых животных, я плакала. Зайцы, изюбры, кабаны, лоси, все они были такими красивыми при жизни и такими несчастными после смерти. Их открытые глаза, казалось, всегда смотрели прямо на меня с удивлённым упреком, словно спрашивая – за что их убили? Мама брала меня за руку и вела в дом, где объясняла, что эти звери умерли так быстро, что даже не успели ничего понять. Наши охотники бьют без промаха. А папа однажды принёс от кого-то из соседей растрёпанную книгу и зачитал мне вслух абзац о том, что животное, попавшее в лапы хищнику, пребывает в состоянии глубокого шока и благодаря этому не чувствует ни

боли, ни страха. Смерть от пули намного быстрее, поэтому убитые таким образом звери тем более не страдают. Нельзя сказать, чтобы это очень меня успокоило, но плакать я перестала. И до этой минуты действительно верила, что природа милосердно дарует обречённым забвение перед неизбежной гибелью.

Но это оказалось неправдой. Я чувствовала всё: клыки, вспарывающие мою кожу, и тяжесть собачьих тел, — слышала их хриплое дыхание и звук своей рвущейся одежды, видела то тёмную примятую траву перед глазами, то бездонное звёздное небо, так поразившее меня в первую ночь здесь. А когда боль и ужас перешли все разумные пределы, меня приняла милосердная тьма, но даже сквозь неё продолжали долетать рычание собак и крики Яринки, зовущей на помощь.

Потом рычание стало тише, отодвинулось в сторону, Яринка тоже примолкла. И я уже была готова с облегчением соскользнуть в небытие, но тут сквозь закрытые веки в глаза ударил яркий луч света, вырывая меня из спасительной темноты.

— Я же говорил — девки! — раздался откуда-то сверху возбуждённый мужской голос. — А ты: бичи, бичи!

– Откуда взялись, мать их, девки?! – зло ответил ему голос подальше.

– А хер их знает. Сейчас спросим. Эй ты, на дереве! Ну-ка спустись! Петрух, ты привязал собак? Спускайся, слышишь!

– Пошёл ты на ... – взвился в ночи истеричный голос Яринки, было слышно, как она перевела дух и снова заголо-сила: – Помогите! Помогите, убивают!

– Да кто вас убивает, дура?! – тоже заорал мужик. – Вы какого лешего на моём огороде делали?!

Я, до сих пор лежавшая без движения, снова начала ощущать своё тело. Оно было сплошной пульсирующей болью, но мне удалось приоткрыть глаза и чуть повернуть голову вбок, в сторону звучащих чужих голосов.

Один из мужчин, худой, как палка, стоял прямо надо мной, сжимая в руке яркий фонарь. Второй, тот, что гнался за нами по огороду, – чуть в стороне, возле привязанных к дереву собак. На собаках я задержала взгляд и даже почувствовала что-то вроде любопытства. Мне, выросшей в таёжной деревушке, до сих пор была знакома лишь одна порода славного собачьего племени – сибирская лайка. Это благородные, очень умные и смелые животные, весьма симпа-

тичные внешне. Пушистые, остроухие, с хвостами-калачами и живыми раскосыми глазами на узких волчьих мордах.

А тех зверей, которых я сейчас видела перед собой, даже назвать собаками не поворачивался язык. Чёрные как ночь, гладкие и блестящие, словно вместо шерсти у них была змеиная кожа. С выступающими под этой кожей буграми мышц, с приплюснутыми к лобастым головам ушами и такими массивными широкими челюстями, что оставалось только удивляться, как они просто не перекусили меня пополам.

Увидев, что я открыла глаза, худой присел на корточки и удручённо покачал головой:

– Петрух, звони-ка в «скорую», тут твои кобели такое натворили...

Раздались приближающиеся шаги, и я во второй раз за ночь увидела над собой мясистое лицо хозяина огорода. Только теперь оно было не злым, а напуганным.

– Да погоди... какую «скорую»? Меня же сразу... Надо как-то это... договориться.

– – С кем договориться? – хмыкнул худой. – С детьми? А где их родителей искать – хрен знает. Пока ищем и дого-

вариваемся, эта вот кровью истечёт, тогда ещё веселее будет.

– Погоди... я знаю. Ща Макару позвоню, я его столько раз выручал, пусть он теперь тоже...

Раздалось негромкое попискивание кнопок мобильного.

– Макар? Макар, брат, помогай! Ты на смене? Слушай, беда! Мои собаки девку порвали мелкую... да не знаю какую! В огород они залезли, ну я сдуру псов и выпустил, думал, би-чи опять пришли, в прошлый раз у меня гуся упёрли... Что? Нет, за посёлком. Друган, подъезжай, тут ждать нельзя...

Он говорил что-то ещё, но я уже не слышала, снова соскальзывая в темноту.

Следующим, что привело меня в себя, были чьи-то бесцеремонные, вызывающие боль прикосновения. В первый миг, решив, что это снова собаки, я дёрнулась, попыталась закричать и услышала чей-то удовлетворённый смешок:

– Живая!

С трудом приоткрыв веки, увидела вокруг себя несколько мужских фигур, затянутых в чёрную форму, а неподалёку – машину с синими маячками, яркий свет фар которой зали-

вал всё вокруг. Грузный хозяин огорода суетился рядом, заискивающе заглядывая в глаза одному из прибывавших полицейских.

– Что скажешь, Макар? Можешь помочь?

Служака фыркнул:

– Ты натравил собак на детей! Чем я могу тебе помочь?

– Но ведь... ведь можно же связаться с их родителями, договориться... Я заплачу, сколько надо, ты знаешь, дружище! И тебе...

– Да погоди ты, «заплачу», – передразнил дружище Макар. – Сначала надо узнать, что это за птицы вообще. Может, их родители мне больше заплатят за то, чтобы я тебя твоим же псынам скормил, а?

Судя по раздававшемуся вокруг гоготу, это была шутка, но хозяину огорода она смешной не показалась.

– Макар... но ты же... я же тебе всегда... мы же...

– Да не суепись... Эй, на дереве! Слезай уже, к маме-папе поедем!

Я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть Яринку, но тело снова перестало мне подчиняться. Оно стало совсем слабым, моё бедное тело, и уже не чувствовало ничего, кроме онемения и подступающего холода. К счастью, я ещё могла слышать. И, судя по тому, что дрожащий Яринкин голос раздался совсем рядом, поняла, что с дерева она всё-таки слезла.

– Помогите ей, пожалуйста, отвезите в больницу!

В ответ буркнули что-то неразборчивое, а ко мне снова прикоснулись чьи-то руки. И на этот раз не оставили в покое, подняли с земли, понесли, положили на что-то мягкое.

– Суки, хоть подстелите что-нибудь! – взвыл чей-то голос. – Сейчас всё сиденье мне кровью уделаете!

– Я оплачу химчистку! – снова залебезил где-то неподалёку хозяин собак, а Макар велел:

– Так, рыжая, ты тоже лезь назад! А остальным придётся пешком до участка топать.

– Я всех довезу... – снова зашелестел хозяин псов, а я почувствовала прикосновение к щеке прохладной ладони

и услышала над собой тихий Яринкин плач:

– Дайка... Даечка, прости меня, я испугалась...

От того, что теперь она рядом, мне стало спокойно, окружающее пространство качнулось, поплыло, и я наконец-то сумела ускользнуть в темноту, где больше не было ни голосов, ни безжалостного света.

Молочные реки не вынесли меня на кисельные берега. После того как я невольно услышала сквозь багровое марево разговор двух незнакомых голосов – недовольного мужского и колокольчикового женского, прошло, как мне показалось, совсем чуть-чуть времени, и я не успела забыть ни слова из этого разговора, хоть и не пыталась понять его смысл. И думала именно об этих двух голосах в тот момент, когда сознание, на этот раз ничем не замутнённое, наконец-то вернулось ко мне.

Это оказалось похоже на обычное пробуждение. И, как обычно, мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто я и где. С вопросом «кто» заминок не возникло, а вот «где» внезапно стало серьёзной проблемой.

Во-первых, я обнаружила себя в постели. В чистой, белой, мягкой постели, понимаете? И это по сравнению с последни-

ми ночами, проведёнными на картонке под открытым небом, показалось чем-то нереальным. Оказывается, очень просто отвыкнуть от того, что раньше являлось само собой разумеющимся.

Во-вторых, это был не приют и даже не какой-нибудь приёмник-распределитель, в которые, как я слышала, попадают все беспризорные дети. Вряд ли такие заведения могут позволить себе роскошь селить каждого человека в отдельной, пусть и маленькой, комнате. А я была одна здесь, на единственной и довольно большой кровати. Кроме неё, в комнате обнаружились окно, занавешенное полупрозрачной шторой, из-за которой доносилось пение птиц, тумбочка, стол и два стула возле него. А ещё меня очень заинтересовала большая, вогнутая ярко-красная кнопка на стене, прямо над моей головой. Она так и притягивала взгляд. Тем более что, кроме неё, смотреть больше было особо не на что. Несколько минут я лениво размышляла о предназначении красной кнопки (почему-то это заинтересовало меня куда больше всего остального), потом с трудом подняла ослабевшую руку и нажала её.

В первые секунды ничего не произошло, и я уже собралась вдавить кнопку второй раз, когда открылась дверь и в комнату впорхнула девушка в наброшенном на плечи белом халате. Она была юна, возможно, всего лишь на три-четыре года

старше меня, и потрясающе красива. Тоненькая, как берёзка, с большими голубыми глазами в обрамлении чёрных и очень длинных ресниц, с широкими бровями, такими симметричными, что они казались нарисованными, и с распущенными совершенно белоснежными волосами.

– Ты проснулась? – обрадованно спросила девушка, подходя к моей постели. – Как себя чувствуешь?

Я не отвечала и даже не поняла вопроса, до такой степени меня поразила её внешность – девушка буквально ослепляла.

– Я сейчас позову доктора, – поспешила сообщить прекрасная гостья. – Подожди минутку.

И она исчезла за дверью, будто её и не было. А может, и правда не было? Ведь таких на самом деле не существует. У людей не может быть белых волос: даже полностью седые, они выглядят скорее серыми. А ещё у блондинов ресницы всегда светлые, возможно, золотистые, но никак не чёрные. И таких симметричных бровей, как и ярко-алых губ, не бывает тоже.

Я тревожно нахмурилась, вспомнив истории об ангелах, наделённых неземной красотой. Что, если я умерла, и эта де-

вушка на самом деле ангел? Но ведь, если ангелы существуют, выходит, что существует и всё остальное, о чём нам рассказывали нам на уроках слова божьего? А тогда получается, что скоро мне крепко влетит и за сожжённую церковь, и за богохульные высказывания, коими я так грешила в последнее время.

Дверь снова приоткрылась, а я испуганно сжалась под одеялом, почти готовая увидеть входящего Создателя, собирающегося спросить с меня за все прегрешения. Но порог переступил молодой мужчина с аккуратной бородкой, в очках и в таком же белом халате, как у девушки-ангела. В общем, выглядевший совсем не так, как, наверное, должен выглядеть Бог.

Но окончательно я уверилась в том, что ещё не прибыла на Страшный суд, когда мужчина заговорил очень знакомым мне голосом. Тем самым, который я слышала, перед тем как уплыть по молочным рекам меж кисельных берегов, тот, который сказал: «Ох и сильная ты, девка...»

– Ну, наконец-то! – Сейчас голос был весёлым. – А я уже беспокоиться начал. Как отдохнула?

Обрадованная тем, что разборки с небесными силами откладываются на неопределённый срок, я собралась вежли-

во ответить, что отдохнула хорошо, но, едва приоткрыв рот, почувствовала, как что-то, прижатое к правой стороне лица, мешает говорить. Подняла руку, хотела потрогать щёку, но наткнулась подушечками пальцев на что-то твёрдое и шершавое.

– Тихо-тихо! – Мужчина шагнул ко мне, торопливо взял за кисть. – Повязку трогать не надо, всему своё время.

Повязку? Только теперь я осознала, что у меня и шея, и частично голова, плотно перемотаны бинтами. А ещё... после осторожных движений руками и ногами под одеялом удалось обнаружить тугие повязки почти по всему телу. Я подняла вопросительный взгляд на мужчину, и он озабоченно спросил:

– Ты что же – ничего не помнишь? Тебя покусали собаки.

Собаки! Как наяву, я увидела широкие чёрные морды в хлопьях пены, прижатые к голове уши, поблёскивающие в темноте глаза...

Ниточка воспоминаний была ухвачена, и я потянула за неё, разматывая весь клубок. Собаки... погоня... безымянный посёлок... бескрайние поля... поезд... лес... дорога... приют... пожар... Яринка!

Я дёрнулась, попробовала сесть, и по всему телу раскатилась тупая боль. Мужчина надавил мне на плечи, вернул в лежачее положение.

– Куда?! Рано тебе ещё вставать!

– Яринка! – Я, наконец, сумела заговорить, но даже это причиняло боль. – Где Яринка?!

– Яринка? – Мужчина нахмурился. – А, девочка, которая была с тобой? Рыженькая?

– Да! – Я всхлипнула.

– Да здесь она, успокойся. Вас привезли вместе.

Я обмякла. самого страшного не случилось, мы с Яринкой не потеряли друг друга. Остальное – вторично. Поэтому я даже не сразу задалась вопросом: а куда нас привезли? Где я? Вместо этого сказала зачем-то:

– Тут хорошо...

Кажется, мужчина удивился. Его почти по-женски аккуратные брови приподнялись над дужками очков.

– Хорошо? Хм... согласен. Надеюсь только, что ты и в дальнейшем не изменишь своего мнения.

В дверь заглянула девушка, та самая, ангел. Мужчина обернулся к ней:

– Машута, приготовь-ка всё для перевязки. И скажи Ирэн, что девочка пришла в себя.

Ангел Машута кивнула и исчезла. А я выдала очередную глупость:

– Она такая красивая...

Мужчина неожиданно рассмеялся и осторожно потрепал меня по волосам.

– Красивая, конечно. И ты такая будешь.

Перевязка далась мне тяжело. И даже не потому, что было больно и очень стыдно от того, что, кроме бинтов, под одеялом на мне больше ничего не оказалось. Но мужчина разматывал пеленающие меня бинты один за другим, и я снова и снова видела то, что оказывалось под ними, – синюшную кожу и рваные раны с грубыми стежками неровных швов. Он

(а это, несомненно, был доктор) делал всё ловко и привычно, с непроницаемым лицом. Красавица Машута помогала ему в этом, и я ловила на себе её жалеющие взгляды.

Последним было обработано моё лицо. Когда доктор осторожно снял с меня что-то вроде половинки маскарадной маски, закрывающей почти всю его правую часть, Машута тихонько охнула и прижала ладонь ко рту.

– Ничего страшного нет. – Доктор строго глянул на неё. – Просто ещё не спал отёк и гематома.

Девушка торопливо закивала, но в её глазах плескался такой откровенный ужас, что я тоже испугалась. Но спрашивать ни о чём не стала, не видела смысла. Разве вопросы помогут, если всё действительно плохо? И потом, куда больше меня сейчас заботила Яринка. Где она? Почему мы не вместе?

Стоило перевязке завершиться, я торопливо спросила:

– Когда мне можно встать?

– Встать? – Доктор задумчиво взялся за подбородок. – Именно встать можешь хоть сейчас, но предупреждаю – будет больно, хоть и обезболивающее ещё действует. Тем

не менее стоит попробовать, ведь тебе нужно ходить в туалет.

Я обрадованно приподнялась, но тут же опустилась обратно на подушку, натянув одеяло до подбородка. Совсем забыла, что под ним я совершенно голая. Доктор понял, хмыкнул и, бросив Машуте:

– Помоги ей, – вышел за дверь.

Мы с девушкой-ангелом остались вдвоём, и после нескольких секунд стеснённого молчания, я попросила:

– Слушай... Маша? А тут нет какой-нибудь одежды для меня?

– Мне ничего не говорили об этом. – Девушка явно тоже чувствовала себя неловко, но выход нашла быстро. – Я могу принести медицинский халат!

Я благодарно закивала. Да хоть что, лишь бы не это беззащитное чувство обнажённости.

Однако осуществить задуманное мы не успели, дверь снова открылась, и в палату вошла женщина.

В первый момент я подумала, что это девушка, может быть, лишь немного постарше Машуты, но наткнулась глазами на холодный пронизательный взгляд и поняла, что вижу перед собой взрослого, даже чуть пожилого человека. Это было ещё более удивительно, чем неестественная красота Машуты. Гибкая девичья фигурка, гладкая, без единой морщинки кожа, блестящие, не тронутые сединой волосы и эти глаза – циничные, многое повидавшие, усталые глаза Агафьи на красивом юном лице.

Да что это за место такое?

Несколько секунд женщина разглядывала меня со спокойным любопытством. Потом чуть улыбнулась, и улыбка тоже выдала её возраст – сухая, дежурная, без тени тепла.

Машута, повинуясь едва заметному жесту ухоженной руки, бесшумно скользнула за дверь, а удивительная незнакомка присела на один из стульев, изящно закинув ногу на ногу, и деловито кивнула мне:

– Ну что, давай знакомиться? Дайника, верно?

Меня не удивило то, что ко мне обратились моим настоящим полным именем, но я вздрогнула от звука её голоса. Колокольчик. Тот самый нежный звонкий тембр, что я слышала

сквозь душевное багровое море, и который говорил странные вещи.

– Меня зовут Ирина Алексеевна, – продолжала женщина, – но для всех здесь я – Ирэн. Именно так, просто Ирэн.

Я снова почувствовала, что теряю связь с реальностью. Ирина – Ирэн? Разве это не запрещённое искажение православного имени? Куда я попала, чёрт возьми?!

– У тебя, наверное, очень много вопросов, – угадала ход моих мыслей Ирина Алексеевна. – Ты получишь ответы на все, но постепенно. Пока ты ещё слишком ослаблена, дезориентирована и кое-что можешь неправильно понять. Но одно скажу сразу – здесь ты в безопасности. Тебе будет оказана квалифицированная медицинская помощь, будут предоставлены жильё, еда и одежда.

Если она думала, что такие слова меня успокоят, то зря. Все знают, где бывает бесплатный сыр, и в бескорыстную доброту я уже не верила. Сразу вспомнилось, как в лесу возле приюта Белёсий предлагал мне свою дружбу и что под этим подразумевалось.

Видимо, моё молчание удивило Ирэн, она приподняла тонкие брови, похожие на два изящных мазка художествен-

ной кисти.

– Ты даже ничего не спросишь?

– Спрошу. – Я постаралась, чтобы голос звучал спокойно и не выдал моих подозрений. – Когда я смогу увидеть мою подругу?

– Ярину? – Ирэн расплылась в улыбке. – О, она милейшее дитя! Совсем недавно мы с ней имели довольно долгую беседу, и могу сказать, что, если ты наделена хотя бы долей её благоразумия, у нас с вами всё сложится самым наилучшим образом! Думаю, что сейчас ты можешь пообедать и принять лекарства, и после этого я позволю ей тебя навестить. Хорошо?

Есть мне совершенно не хотелось, что было даже странно после стольких дней, проведённых на ворованных помидорах и зелени, но я торопливо кивнула. Что угодно, если потом увижу Яринку!

– Вот и отлично. – Ирэн поднялась, огладила руками подол длинной прямой юбки. – А после и мы с тобой пообщаемся подольше. Скажу Маше, чтобы подала обед.

Обед здесь оказался хорош. Куда лучше, чем в приюте.

Машута прикатила на сервировочном столике тарелку исходящего ароматным паром золотистого бульона, аппетитного вида котлетки с коричневой корочкой и горку фруктов в небольшой корзине. Но осилить из всего этого великолепия я смогла лишь бульон, и то потому, что мне хотелось пить, а не есть. Запила водой несколько поданных мне таблеток и выжидательно уставилась на Машуту. Та, неправильно истолковала мой взгляд, спохватилась:

– Одежда? Я принесла! – откуда-то выхватила белый халатик и заботливо расправила на моей постели. – Будем вставать?

Её участие было искренним, улыбка настоящей, и именно ей я рискнула задать вопрос, который не оставлял меня с того момента, как я открыла глаза в этом странном месте.

– Где я?

Машута смешалась, потупилась.

– Я... я думаю, что об этом тебе лучше поговорить с Ирэн.

– Это ведь не приют? И не больница?

– Нет, – нехотя признала она.

– Тогда что? Просто скажи, что это за место?

– Оазис. – Машута снова заулыбалась. – Ты в Оазисе, а это куда лучше, чем в приюте, уж поверь мне – я сама приютская.

Это признание ещё больше расположило меня к Машуте. Я оживлённо подалась вперёд.

– Ты сирота? А сюда как попала? А что это – Оазис? Зачем мы здесь? Кто такая Ирэн?

Поток моих вопросов прервал звук шагов за дверями, и мы снова увидели на пороге доктора. Он улыбался:

– К нашей больной посетители! Пойдём, Машута, не будем мешать.

За его спиной нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Яринка.

Подруга сразу бросилась ко мне, хотела обнять, но испугалась многочисленных бинтов и только неловко затопталась у постели, жалобно ойкая. А я смотрела на неё во все глаза, да так, что даже не заметила, как доктор и Машута оставили

нас наедине.

Яринка была без косы, с распущенными волосами, и, пусть за последние дни нашей свободы я к этому как-то уже привыкла, но видеть её простоволосой в помещении всё равно было странно. Да и не это главное. Больше всего меня поразила одежда подруги. На ней оказалась ярко-жёлтая куца маечка с блёстками, и то, что я поначалу приняла за трусики, и что при ближайшем рассмотрении оказалось обрезанными по самую попу голубыми джинсами.

Шорты! Шорты, вот как это называется! Летом в Маслятах взрослые иногда надевали что-то похожее, работая в огородах или на покосе. Но такое случалось редко – Сибирь не баловала своих жителей жаркими днями, а таёжные паразиты – комар и мошка – не дремали. Сама я шорт никогда не носила: было бы глупо, постоянно лазая в травяных зарослях, оставлять ноги беззащитными перед крапивой и осокой.

И вот здесь, сейчас, в этом загадочном месте, которое Машута назвала почему-то Оазисом, Яринка одета в то, что невозможно было вообразить! И, надо сказать, такой наряд украсил мою подругу, как не украсило бы, наверное, ни одно самое красивое платье. Она казалась лёгкой, как пёрышко, и свежей, как ещё не высохший мазок краски. От её яркости (рыжий, жёлтый, голубой!) зарябило в глазах, ведь я при-

выкла видеть Яринку облачённой в коричневые, тёмно-синие и серые тона – цвета приюта. Кто бы мог подумать, что одежда может настолько изменить человека!

– Яринка, ты... ты такая...

Но закончить мысль мне не удалось, потому что подруга всё-таки изловчилась приобнять меня, не затрагивая бинтов, и разревелась. Я жутко перепугалась, подумав, что эти слёзы вызваны чем-то, чего я ещё не знаю. Что на самом деле мы попали в какое-то ужасное место, где нас не ждёт ничего хорошего, и Яринка плачет из-за этого! И чуть сама не заревела от облегчения, когда выяснилось, что она всего лишь продолжает винить себя в моих увечьях.

– Прости, Дайка, я испугалась! Я собак боюсь очень, я не смогла слезть с дерева, чтобы тебе помочь, меня как парализовало! Я знала, что должна тебя спасти, а пошевелиться не могла...

– Ещё чего не хватало! – возмутилась я, мигом вообразив себе эту картину. – Тогда мы обе сейчас тут лежали бы, как две мумии!

Яринка неожиданно перестала всхлипывать и несмело хихикнула:

– Даечка, не сердись, но ты и правда немного... похожа на мумию... все эти бинты...

Мы уставились друг на друга и вдруг расхохотались, чуть не стукнувшись лбами. Расхохотались так, что у меня заболела правая половина лица под повязкой, а в дверь заглянула встревоженная Машута.

Не знаю, был ли вызван приступ этого безудержного веселья какими-нибудь хитрыми вывертами психики, но, когда мы отсмеялись и более-менее успокоились, я почувствовала себя намного лучше – напряжение, владевшее мною с момента пробуждения, исчезло. Да и какого фига? Руки-ноги мои на месте, хоть и изрядно обглоданные, Яринка рядом, вода-еда есть, чего ещё желать в ближайшее время?

Я расслабленно откинулась на подушку, а продолжавшая улыбаться, как солнышко, подруга присела на край моей постели. Я уже хотела приступить к расспросам, но заметила, что она жадно косится на обеденный столик, где уже остыли не съеденные мною котлетки.

– Ешь, если хочешь, я не буду.

Яринка виновато посмотрела на меня, но дважды себя

просить не заставила.

– Я такая обжора стала, – пожаловалась она, пристроив тарелку на голые колени. – Всё, что дают, съедаю до крошки и ложку облизываю. Никак не могу забыть, как нам есть было нечего. А на помидоры и огурцы теперь даже смотреть не могу.

Мы невесело посмеялись. Слова подруги меня не удивили, я была готова к тому, что после выздоровления и у меня появится зверский аппетит. Пока же его не было совсем. Поэтому я терпеливо подождала, пока Яринка доест котлеты и фрукты, и лишь после этого спросила:

– Где мы?

– В Оазисе, – сыто отдуваясь, ответила подруга и привалилась к спинке кровати.

Я почувствовала раздражение. Сговорились они, что ли? Неужели непонятно, что это дурацкое слово мне ничего не объясняет?

– Да ну? Прямо в Оазисе? А где пальмы? Где пустыня?

Яринка хихикнула и махнула рукой в сторону окна:

– Там. Серьёзно. Там есть и пальмы, и пустыня.

Моё терпение лопнуло, и я, оторвавшись от подушки, сердито потребовала:

– Помоги мне встать и одеться!

Яринка послушно вскочила. Общими усилиями мы натянули рукава халата на мои перебинтованные руки и застегнули его. Перестав быть голой, я почувствовала ещё большую уверенность в своих силах и, держась за Яринкину руку, поднялась на ноги. Да, больно. К счастью, сами ступни не пострадали, а бёдра и голени, хоть и были покусаны, но позволяли мне держаться вертикально. Первый шаг дался тоже вполне сносно, и, приободрившись, я заковыляла к окну.

Подруга не соврала. Я сразу увидела пальмы. Настоящие пальмы, о существовании на свете которых раньше знала лишь из кино и книг. Высокие, раскидистые, толстые внизу и заостряющиеся к верхушке. Честное слово, если бы я узрела резвящихся на них обезьян и попугаев, и то не могла бы удивиться сильнее!

– Ну как? – спросила Яринка, наслаждаясь произведённым эффектом.

– А где пустыня? – глупо спросила я.

– Ну, вот же. Под пальмами – песок.

Песок был не только под пальмами, а, казалось, везде. Разумеется, сам песок – это ещё не пустыня, но и его раньше я могла наблюдать лишь в приютской песочнице на малышовой игровой площадке. И там он был тёмный, крупный и некрасивый. Здесь же всё оказалось словно покрыто рассыпчатым золотом, сияющим на солнце. А ещё я увидела павлина. Настоящего павлина, который важно шествовал между пальмами, волоча по песку сложенный, но всё равно роскошный хвост. На миг мне опять показалось, что я или ещё сплю, или всё-таки умерла вместе с Яринкой, и теперь мы обе находимся в пресловутом Эдеме. Даже ноги внезапно ослабли, и пришлось навалиться на подоконник.

– Ты в порядке? – Яринка торопливо подхватила меня под локоть.

– Да где мы?! – взмолилась я. – Расскажешь ты, наконец?!

Подруга стала серьёзной и кивнула:

– Расскажу. Только давай вернёмся на кровать. Успеешь

ещё насмотреться. Это всё от тебя теперь никуда не денется.

Последняя фраза мне совсем не понравилась. Точнее, не понравился голос, которым Яринка её произнесла. Было в нём опустошённое смирение, так не свойственное бунтарской натуре моей подруги.

Я снова улеглась в постель и с удовольствием заметила, что отодвинутая нами штора позволяет мне видеть пальмы даже отсюда. Оазис...

Яринка пристроилась у меня в ногах и сразу заговорила, опережая вопросы:

– Ты помнишь, как нас забрали в полицейскую машину? Думаю, что помнишь, у тебя тогда глаза ещё были открыты. Это потом ты отключилась намертво. Так вот, нас привезли в участок, и я рассказала, кто мы. Я тогда лишь об одном думала, чтобы тебя скорее отвезли в больницу. Только они не отвезли... Точнее, там пришёл один, кто-то из ихних же, и кое-как тебя перевязал. А остальные спорить начали, что с нами дальше делать. Этот Петруха, которого были собаки, деньги обещал, просил сделать так, чтобы никто ничего не узнал. Они прямо при мне торговались, сколько будет стоить то, чтобы концы в воду... Полицаи вообще, как узнали, что мы из коррекционного приюта, да ещё сбежавшие,

да церковь подожгли... она, кстати, совсем сгорела, по телу показывали! Так вот, как узнали, сразу успокоились и со мной уже не разговаривали даже, смотрели, как на пустое место.

Яринка замолчала, погрузившись в воспоминания, и рассеянно теребя прядь волос.

– Думаешь, они могли нас... могли бы... – Я не договорила, не хотелось вслух произносить это слово, хоть и было всё уже позади.

– Да! – жёстко ответила Яринка. – Жирный этот, хозяин собак, так и сказал: «Никто не знает, что они здесь были, их ищут в Московской области. Поищут и перестанут, а я хорошо заплачу». И тот, Макар который, поотнекивался и согласился. И жирный ушёл. А я там на скамейке сидела, держала на коленях твою голову, и всё думала – как они нас убьют? Хорошо, если застрелят, это хоть быстро.

Неожиданно стало холодно, я натянула одеяло до подбородка. А мне, оказывается, ещё повезло, я лежала без сознания и знать не знала, что нас приговорили, чтобы помочь толстому огороднику избежать наказания. Бедная Яринка...

– Страшно было?

– Да нет. – Подруга пожала плечами. – Как будто сон, да же интересно. А когда жирный ушёл, этот Макар не стал нас стрелять или ещё чего, а подмигнул мне и сказал: «Умный телок двух маток сосёт». Я тогда не поняла, к чему это он, потом уже... И вышел. Меня, кажется, никто даже не охранял, я могла, наверно, в окно вылезти, но даже в голову не пришло без тебя. Сидела, сидела... А потом приехали Ирэн и Карл.

– Ирэн знаю! – оживилась я, радуясь, что самая мрачная часть Яринкиного рассказа подошла к концу. – А Карл – кто?

– Тоже узнаешь. Помощник её, заместитель, а Ирэн тут главная. Так вот, зашли они, молча на нас посмотрели, снова вышли. Вернулись уже с Макаром. А он радостный такой, суетится и мне говорит: «Вот ведь как всё хорошо сложилось, и подружку твою вылечат, и жить будете в сытости-довольстве». Я ничего не поняла, но пошла за ними, раз обещали тебя вылечить. Сели в машину, тебя на руках... Я такие машины раньше только в кино видела – огромная, как танк, все стёкла тёмные. Поехали. Я потом и спрашиваю: куда? Ну, Ирэн мне всё возьми и выложи, и говорит: «Скажи сразу, у нас с тобой будут проблемы?» И я ответила, что если они тебя спасут, то никаких проблем не будет.

Я затрясла головой:

– Да подожди, какие проблемы? Что она тебе выложила?

Яринка кротно вздохнула и посмотрела мне в глаза.

– Дайка, полицаи нас продали в бордель. Ну, в публич-
ный дом.

Глава 4

На крыше

Сначала это показалось мне даже забавным. Бордель, публичный дом... Слова из какой-то другой реальности. Конечно, я знала, что они обозначают, в основном благодаря книгам Дэна, тем самым «мыльным операм», где такие вещи несколько раз упоминались. Но ведь описаны в этих книгах были совсем другие времена, и помыслить о том, что подобные вещи имеют место сейчас, было так же дико, как поверить в динозавров или мамонтов. Я даже подумала, что Яринка шутит, не очень удачно и совсем неуместно, но посмотрела в потухшие глаза подруги и отмела эту мысль.

– Но ведь... ведь... – Я поняла, что если сейчас не заставлю себя замолчать, то начну причитать, как старая баб-

ка, и прикусила губу. Вроде в таких случаях полезно считать до десяти? Один, два, три...

– Мне Ирэн велела тебе рассказать, – не стала дожидаться моей реакции Яринка. – Сказала, что будет лучше, если это сделаю я, а не она. Она уже потом с тобой поговорит, подробно.

Бросив счёт, я потерянно пробормотала:

– Публичный дом... бред какой-то. Это что, как в «Унесённых ветром», куда ходил муж Скарлетт?

– Ага! – почему-то обрадовалась Яринка. – Точно. Только тут типа круче. Смотри, при Ирэн не скажи про публичный дом и тем более про бордель, её это бесит. Здесь – элитный загородный клуб «Оазис».

– А разница-то в чём?

Яринка запрокинула голову, надменно посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц и процедила, очень удачно подражая голосу-колокольчику:

– Разница, милая моя, в том, что тебя здесь ещё не подложили первому заплатившему, предварительно опоив или об-

колов чем-нибудь, что делает строптивых девочек послушными.

– Это она тебе так сказала? – ужаснулась я.

– И не только. Я же говорю – она сразу мне всё выложила, как есть. Понятно же было, что я не стану скандалить или убегать, пока ты... в таком состоянии. Тем более что потом я и сама пообещала.

– Ты пообещала не убегать?

– И не убегать, и вообще делать всё, что скажут. Она очень умная, Ирэн. Ведь Карл хотел купить только меня, он всю дорогу ругался, что они разорятся на твоём лечении и это никогда не окупится. А Ирэн только посмеивалась. Она сразу поняла, что нами двумя будет легче управлять.

– Ладно. – Я решила пока особо не задумываться над всем этим, а сразу перейти к главному: – Но мы ведь всё равно убежим, когда я поправлюсь? Ты же не думаешь, что твоё обещание... что оно по-настоящему?

– Не думаю, – глухо отозвалась Яринка. – Но мы не убежим. Отсюда нельзя убежать, Дайка.

– Ерунда, – не очень уверенно отозвалась я. – Мы же не в тюрьме, можно что-то придумать.

– Это вряд ли. Потом, когда выйдешь на улицу, сама поймёшь. Но дело даже не в том, как тут охраняют.

Яринка отвернулась к окну, устало прищурилась на солнечные блики, и мне вдруг снова бросилось в глаза то, как повзрослела моя подруга за последнюю неделю. Её скулы больше не были такими болезненно заострёнными, как в дни наших скитаний, щёки уже начали обретать прежнюю округлость, кожа порозовела, но взгляд не изменился, в нём таилась та же обречённость, которую я впервые заметила ранним утром, встреченным нами на платформе несущегося в неизвестность товарняка.

– Если дело не в охране, то в чём? – спросила я, отчаянно боясь ответа, но не в силах молчать.

– В том, что нам некуда больше бежать, – ровно ответила подруга. – Всё уже. Прибежали.

– Но ведь так нельзя! – Я всё же сорвалась на причитания. – Это же незаконно, я знаю! Нас не имеют права удерживать против воли, мы должны как-то дать о себе знать, позвонить... позвонить в полицию!

Яринка перевела на меня насмешливый взгляд, и я осеклась. Ах да, это же именно полиция определила нас сюда. Но...

– Не все же такие! Ярин, мы найдём честных полицейских! Настоящих! Наверняка они есть. Главное – добраться до них, а там уже...

– А там уже эти честные полицейские определяют нас сначала в очередной коррекционный приют, а потом – в колонию за поджог церкви, – перебила Яринка.

От волнения я принялась комкать край одеяла.

– Ну и пусть! До колонии ещё два года, а приют... оттуда можно снова убежать! И отсюда! Главное – отсюда, не хочу я быть этой... той...

Яринка вдруг придвинулась ко мне, осторожно накрыла ладонью мою перебинтованную руку:

– Дайка, давай сейчас не будем? Подождём, когда ты выздоровеешь, и тогда уже что-нибудь придумаем. Пока всё равно убежать не получится, так зачем мозги ломать?

И я уцепилась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Тем более что голова уже трещала от обилия новостей, от нереальности происходящего. Да и правильно это было, что ни говори. Подождать, осмотреться, усыпить бдительность Ирэн и остальных, а уж тогда...

Я с заговорщическим видом кивнула Яринке, и та заметно расслабилась.

– Дайка, ты, главное, не вздумай Ирэн истерики закатывать. Она считает, что сделала тебе одолжение. Спасла, теперь лечит. Не зли её.

– Не буду. – Настроение моё поднялось, теперь я чувствовала себя не пленницей, а разведчиком в стане врага. – А когда она будет со мной говорить?

Яринка двинула плечом.

– Кто знает. Она главная тут, когда захочет, тогда и придёт.

Ирэн пришла на следующее утро. Доктор, которого все здесь звали Ватсоном и который на такое обращение охотно откликнулся, разрешил Яринке побыть со мной до вечера

и даже помочь ему с очередной перевязкой. Увидев то, что скрывалось под бинтами у меня на лице, Яринка, совсем как Машута недавно, в ужасе прижала ладонь ко рту, чего я постаралась не заметить.

До ужина мы сидели у меня в палате, то на кровати, негромко разговаривая, то на подоконнике, глядя на пальмы и песок, меняющий цвет в зависимости от того, как всё ниже и ниже клонилось солнце. Кроме пальм и песка были за окном ещё и симпатичные двух- и трёхэтажные домики, стоящие почти вплоты друг к другу, и дорожки между ними, и причудливые плетёные скамейки, и кованые фонари. По дорожкам время от времени проходили люди, все очень легко одетые и загорелые.

О планах на будущее мы с Яринкой, как и условились, больше не говорили. Вместо этого вспоминали наш побег из приюта и такое неожиданно далёкое путешествие. Сейчас даже пережитый страх, голод, холод и жажда вспоминались почти с удовольствием, ведь мы со всем этим справились. Только вот от собак не смогли убежать...

А ещё очень жалко было вещей. Наши сумки до сих пор, наверное, лежали там, где мы в последний раз их оставили – под раскидистыми деревьями, в бескрайних полях. В них остались планшеты, сшитые Яринкой наряды, моя нотная

тетрадь, а главное – рогатки: Пчёлка, Рога дьявола, Бланка. Единственное, что осталось мне на память от Дэна...

Про Дэна и про нашу так обидно сорвавшуюся встречу с *другими* я всё ещё старалась не думать. Впереди у меня будет много времени для этого, а сейчас хотелось как можно больше узнать о месте, в котором я так неожиданно оказалась. Но на мои вопросы об Оазисе и его обитателях Яринка отвечала неохотно, говорила, что я сама всё увижу, когда доктор разрешит мне выходить. Сказала лишь, что её поселили в комнате с двумя взрослыми девушками, и Ирэн обещала, что и я переселюсь туда же, лишь только пойду на поправку.

Когда на здешнем глубоком южном небе раскинулся непередаваемый в своей красоте закат, Машута прикатила на сервировочном столике обильный ужин, но почти весь его съела подруга, я же вполне насытилась двумя грушами. И, конечно, выпила очередную горстку таблеток, среди которых, судя по почти сразу возникшей сонливости, было и снотворное.

Яринка ушла, поцеловав меня в свободную от повязки щеку, а я, свернувшись под одеялом, почти сразу уснула. Но перед тем как окончательно погрузиться в забытие, успела услышать долетающие в окно звуки грохочущей неподалёку странной, какой-то слишком ритмичной музыки.

Разбудила меня Машута, подавшая завтрак. На этот раз я почувствовала слабый аппетит и с удовольствием умяла сладкую кашу с кусочками фруктов, запив всё это фруктовым же соком. Скоро появился и доктор Ватсон, осмотрел и обработал мои раны, удовлетворённо покивал и сказал, что если заживление и дальше пойдёт так же хорошо, то здесь я не задержусь.

Едва эти двое исчезли за дверью, как я, кое-как набросив халат, заковыляла к окну. Зрелище, открывшееся за ним, уже не было таким чудесным, как вчера. Ровный золотистый песок оказался затоптан, тут и там валялся мусор, большую часть которого составляли бутылки и пластиковые стаканчики. Девушка, одетая в такие же яркие, как у Яринки, майку и шорты, лениво собирала всё это в большой чёрный пакет. Небо было чистым, и день обещал стать таким же жарким, как вчерашний. Может, попросить у Ватсона разрешения с помощью Яринки выйти на улицу? Очень уж хотелось почувствовать песок под ногами и потрогать стволы настоящих пальм. А ещё понять, что за странный запах время от времени ветер заносит в окно? Словно где-то неподалёку стоит огромная бочка ароматных солёных огурцов.

Но доктора я не дождалась, раньше него пришла Ирэн. Выглядела она по-прежнему безупречно, лишь светлые во-

лосы на этот раз были собраны в аккуратный пучок, а вместо длинной юбки ноги облегали бежевые брюки на широком ремне.

Я так изумилась, увидев женщину в брюках, что забыла поздороваться, лишь хлопала ресницами. Ирэн поняла, снисходительно улыбнулась:

– Привыкай, малышка. Здесь у нас нет дурацких запретов относительно одежды.

– И мне тоже... можно будет надеть джинсы? – озвучила я давнее своё желание, которым мучилась со времён своего появления в приюте.

– Разумеется, – легко согласилась Ирэн, взяла за спинку один из стульев и, пододвинув ближе к моей кровати, весело спросила:

– Ну что, Дайника, поговорим?

Я осторожно кивнула, глядя, как она изящно устраивается на стуле, закинув ногу на ногу. На её ступнях красовались диковинного вида не то туфли, не то сандалии. С открытым носком, ремешками, оплетающими лодыжки, и таким тонким высоким каблуком, что я снова вытаращила глаза.

– Шпильки ты тоже сможешь носить, – поспешила сообщить мне Ирэн своим колокольчиковым голосом, но я испуганно затрясла головой. Нет уж, спасибо, совершенно не представляю, как можно удерживать равновесие, а тем более ходить в такой обуви.

– Чувствуешь себя уже лучше? – Ирэн тепло посмотрела на меня. – Ватсон сказал, что у тебя на редкость сильный организм.

– Лучше, спасибо. – Я помнила слова Яринки и решила быть крайне вежливой. – Спасибо, что лечите меня.

Тонкие брови насмешливо взметнулись вверх.

– Всегда пожалуйста! Но это ведь не единственное, о чём ты хотела поговорить, правда? Ярина рассказала тебе о том, где вы оказались?

– Да, рассказала.

– И это не привело тебя в восторг?

– Не привело.

– И ты не хочешь потребовать немедленно вас отпустить, иначе вы позвоните в полицию или убежите?

На этот раз я помолчала, придумывая ответ. На самом деле подобные мысли у меня возникали, хоть я и понимала всю глупость такого поступка. Но Ирэн смотрела с ожиданием, и я не нашла ничего лучше, как сказать правду:

– Хочу конечно. Но вы ведь всё равно нас не отпустите?

Хозяйка позволила себе тихонько рассмеяться, колокольчик в её голосе зазвенел отчётливее.

– Разумеется не отпущу, но вовсе не потому, что желаю мучить вас здесь ради собственного обогащения. Видишь ли, Дайника, мы с тобой обе заложницы обстоятельств. И я не злодейка, которая всё это придумала.

Я слегка пожала плечами. Да, на злодейку Ирэн совсем не походила. Более того, я вдруг почувствовала, что симпатизирую этой молодой красивой женщине с мягкой улыбкой и ласкающим слух голосом. Она располагала к себе моментально, хотелось улыбаться в ответ на её улыбку и незамедлительно отвечать на все вопросы. А ещё я, хоть и смутно, но помнила разговор, подслушанный сквозь багровое марево, и понимала, что сейчас жива и относительно здорова

только благодаря ей.

– Поэтому, – Ирэн обхватила колено руками, и я увидела, что у неё удивительно длинные заострённые ногти, украшенные блестящими камешками. – Прежде, чем ты заявишь мне, что скорее умрёшь, чем... хм... подчинишься местным порядкам, я поспешу сообщить, что никто не собирается применять насилие по отношению к тебе или к твоей подруге. Здесь у всех есть право выбора.

Я недоверчиво молчала, и Ирэн, не дождавшись ответа, продолжила:

– У нас солидное заведение, мы дорожим своей репутацией и никогда не опустимся до того, что ты, наверное, уже успела себе вообразить. Скажу проще – никто здесь не будет тебя насиловать.

– А если... – Я покашляла, прочищая горло, вот уж не думала, что придётся обсуждать такую тему. – А если я не захочу... делать... то, что здесь делают?

Ирэн закатила глаза:

– Дайника, ты уже не в своём приюте, здесь у нас можно и нужно называть вещи своими именами! Поэтому не на-

до ходить вокруг да около, договорились? На вопрос отвечаю. Если ты твёрдо откажешься работать с нашими гостями, то есть спать с теми мужчинами, которые будут готовы за это платить, то мы не станем заставлять тебя. Нам просто придётся расстаться.

– Вы меня отпустите? – Это я спросила с изрядной долей сарказма, уже понимая, что такому не бывать.

– Разумеется нет, – невозмутимо ответила Ирэн. – Не забывай, что твоё появление здесь обошлось нам в порядочную сумму. Прибавь сюда затраты на лечение, кормление, одежду – и получишь внушительную статью расходов. Так что мы будем вынуждены перепродать тебя в другое заведение, чтобы хоть частично возместить себе убытки. Поэтому будет лучше, если ответ ты дашь сейчас, зачем я, собственно, и пришла. Давай-ка решать сразу: или мы сотрудничаем для взаимного блага, или я ищу покупателя... Хотя и сомневаюсь, что в твоём нынешнем состоянии ты кого-то заинтересуешь.

Я подавленно молчала. Да, конечно, до меня уже давно дошло, что наш бренный мир то ещё местечко и здесь далеко не всем живётся хорошо, но продажа и покупка людей, о которой так обыденно говорит эта красивая и располагающая к себе женщина, – уже слишком! Так нельзя!

Ирэн смотрела на меня, и постепенно взгляд её смягчался.

– Девочка, – наконец сказала она. – Я понимаю, что тебе нелегко принять всё, как есть, но ты постарайся. Просто так получилось, и уже ничего не изменить.

Я и сама понимала, что распускать сейчас нюни – не лучший вариант, но вдруг сделалось очень обидно за себя. Со- всем как той ночью, на платформе мчащегося сквозь тем- ную товарняка, когда я, замерзая, смотрела на пролетающие мимо уютные окна и думала: почему кому-то всё, а кому-то ничего?

– Мне можно подумать? – только и спросила я, наконец.

– Нет, – по-прежнему мягко, но непреклонно ответила Ирэн. – Я жду твоего ответа здесь и сейчас. Это важно.

– А если, – мне всё-таки хотелось потянуть время, – если мы откажемся, куда нас продадут?

– Мы? – удивилась Ирэн. – Я думала, речь идёт только о тебе. Ярина согласилась остаться почти сразу, ещё по до- роге в Оазис.

Я слегка оцетинилась:

– Она согласилась только потому, что боялась за меня!

– Так и есть. – Ирэн не выглядела смущённой. – И это было очень разумно. Да и какая разница, по какой причине было принято решение? Ярина согласилась, и она остаётся.

– Если я откажусь, она откажется тоже. – Против воли в моём голосе зазвучало злорадство (осталось у меня ещё что-то, над чем никто не властен!) – Мы везде – только вместе.

Но Ирэн не смутилась, в её глазах даже мелькнуло мимолётное торжество.

– В таком случае, – почти промурлыкала она, – тебе тоже стоит остаться в Оазисе, ведь если вы обе откажетесь сотрудничать с нами, то отправитесь отсюда в разные места.

Я сжала зубы. Ах, вот как? И это у них называется правом выбора?!

Ирэн подняла перед собой ладонь.

– Нет-нет, я не стану вам мстить и разлучать специально, не настолько я мелочна. Просто ты и Ярина... вы сейчас находитесь в разных ценовых категориях. Она очень красива, а скоро станет ещё красивее, это трудно не увидеть. А ты, к сожалению, поправишься ещё не скоро, и даже когда поправишься, – взгляд Ирэн упал на перебинтованную сторону моего лица, – в общем, приобретут вас, скорее всего, в заведения разного уровня.

Ну ладно. С волками жить – по-волчьи выть. Я спрятала руки под одеяло, сложила пальцы замочком и сказала, глядя Ирэн в переносицу:

– Хорошо. Я остаюсь здесь, с Яринкой.

Хозяйка улыбнулась:

– Отлично. Я, конечно, прекрасно понимаю, что ты сказала это не искренне. Но пока достаточно и такой формальной договорённости между нами. Ещё вопросы есть?

Вопросов у меня был миллион, но задать я их собиралась не Ирэн. Кроме одного.

– Я уже могу ходить. Можно Яринка поможет мне выйти на улицу? Я поправлюсь быстрее, если не стану сидеть вза-

перти.

– О, это сколько угодно! – Ирэн загадочно улыбнулась. – Думаю, чем раньше ты познакомишься с окружающим, тем будет лучше.

Она поднялась, небрежным движением поправила брюки.

– Когда осмотришься и обвыкнешься, мы с тобой ещё вернёмся к сегодняшнему разговору. А пока отдыхай, гуляй, поправляйся. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли что-нибудь из одежды.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, мысль о скорой прогулке моментально подняла настроение. Пальмы! Песок! Павлины!

Ирэн ушла, а я, слишком возбуждённая для того, чтобы оставаться в кровати, дохромала до окна и забралась на подоконник с ногами, совсем как в приюте, хоть сейчас это и стоило мне немалых усилий.

До земли было недалеко, палата, в которой меня разместили, находилась на втором этаже, и, высунув голову наружу, я не видела ничего дальше других таких же невысоких зданий вокруг. Они стояли очень тесно, разделён-

ные лишь узкими дорожками, посыпанными всё тем же вездесущим песком. Выглядело это уютно и по-домашнему, но столь близко расположенные друг к другу дома ограничивали обзор, и, как я ни оглядывалась, ничего нового заметить не смогла. Только верхушки пальм, тут и там возвышающиеся над покатыми крышами. И тогда, не сумев ничем удовлетворить своё любопытство, осталась сидеть на подоконнике, ожидая Яринку и с удовольствием подставляя лицо утреннему солнцу.

Подруга появилась быстро. Весёлая, такая же яркая, как вчера, она держала охапку разноцветной одежды и радостно сообщила, едва переступив порог:

– Вот! Ирэн разрешила выбрать тебе вещи на первое время. Я взяла, что получше.

Она вывалила свою ношу на постель, и там словно распустился букет диковинных цветов, настолько яркими были краски. Я сама не заметила, как оказалась рядом с кроватью, даже не почувствовав уже привычной боли, возникающей при любых движениях.

– Ух ты! – Первым, на что упал мой взгляд и что я стремительно выхватила из общей кучи, были, конечно же, джинсы. Чудесно синие, с блестящей молнией и клёпками, с за-

мечательными карманами спереди и сзади, с петельками для ремня. Вот только...

– Ой, Ярин, они порваны!

– Да нет же, глупая, – снисходительно успокоила подруга, – это так носят. Видишь швы? Они специально сделаны как рваные, чтобы коленки торчали. Я видела, девчонки здесь в таких ходят, очень классно.

Лично я не находила тут ничего классного. Джинсы тем и хороши, что это очень прочные брюки, годящиеся для любого экстрима, будь то бросок через крапивные заросли или лазание по деревьям. Это я и сказала Яринке, недоумённо разглядывая искусственные дыры.

– Ну какая тебе здесь крапива? – с лёгким стоном спросила она. – А деревья? На пальму, что ли, полезешь?

Я невольно глянула в окно на покачивающиеся под лёгким ветерком верхушки пальм. Представила себя на одной из них и, хихикнув, согласилась с подругой. И то верно – джинсы здесь если и пригодятся, то совсем для других целей. И всё равно они были чудесные!

Но дальше меня ждало разочарование. Натянуть джинсы

на мои многострадальные, во многих местах перебинтованные ноги мы так и не смогли, даже совместными усилиями. Добились только того, что, привлечённый моим хныканьем и повизгиваниями, в дверь заглянул доктор Ватсон и устроил нам разнос. После чего я, под угрозой немедленного изымания джинсов, пообещала ему до снятия повязок носить только свободную одежду. Из свободной одежды выбор оказался невелик, но в итоге мы с Яринкой всё же остались довольны, нарядив меня в ярко-красные лёгкие шорты на резинке и салатово-зелёную маечку.

В непривычном, слишком открытом наряде я чувствовала себя незащищенной, но в то же время лёгкой и свободной, как подхваченная ветром пушинка. Даже бинты перестали стеснять. Вдоволь насладившись своим новым образом, я привычно вскинула руки к волосам – заплести косу, но натолкнулась на смеющийся Яринкин взгляд и вспомнила – этого делать больше не надо.

– Ну-ка! – И подруга ладонями взбила мои пряди, устроив у меня на голове, как она выразилась, художественный беспорядок. На мой взгляд, художественного в этом было мало, скорее походило на то, как будто я забыла причесаться после сна, но возражать не хотелось. Пусть. Даже это намного лучше, чем надоевшая унылая коса.

На ноги я надела также принесённые Яринкой белые бо-соножки с плоской подошвой, которые оказались чуть великоваты, но от этого смотрелись не менее нарядно. И мы, наконец, смогли покинуть надоевшую мне палату.

Яринка медленно шла рядом, а я держалась рукой за её локоть. Почти сразу за дверями обнаружилась лестница на первый этаж, по которой мы и сошли вниз, к дверям. Я, конечно, понимала, что всё, что видела до этого за окном, не было ни миражом, ни иллюзией, но всё равно задохнулась от восхищения, ступив на золотой песок, под сень пальм.

Было жарко. И солнце, несмотря на утренний час, пекло ощутимо. А в воздухе ещё сильнее ощущался свежий аромат, отдалённо напоминающий запах солёных огурцов... С трудом нагнувшись, я зачерпнула в ладонь песок и тут же выронила от неожиданности – он оказался очень горячим.

– Вечером классно ходить босиком, – поделилась Яринка. – Когда песок ещё тёплый. Ноги закопаешь в него – мм...

– Наверное, как на море, – задумчиво сказала я, вспоминая мамины рассказы. Ей довелось побывать там, прежде чем она познакомилась с папой и сбежала в тайгу.

Яринка загадочно улыбнулась и подставила мне локоть.

– Пойдём. Покажу тебе главное. Ты по лестнице вверх ид-ти сможешь?

Мы зашагали по узким проходам между домиков. Архитектура здесь оказалась очень симпатичной, я не знала, как именно это называется, но всё окружающее напоминало картины из фильмов про Средневековье. Крутые черепичные крыши, кованые перила и ограды, причудливой формы фонари, каменные лестницы... Петляя по песчаным дорожкам, мы неуклонно поднимались вверх, но каждый раз, когда я оглядывалась назад, чтобы посмотреть на пройденный путь, взгляд натывался лишь на стену очередного дома. В конце концов я среди них совершенно запуталась и, не будь со мной Яринки, ни за что не нашла бы дорогу назад.

Время от времени мы садились отдохнуть на плетёные скамейки – всё-таки я была ещё слаба и от ходьбы все мои раны под повязками разболелись.

– Чёртовы собаки! – простонала я, присаживаясь в очередной раз. – Когда теперь всё это заживёт?

– Я всегда знала, что от собак ничего хорошего ждать не стоит, – буркнула Яринка.

Я вспомнила нашу Зуйку, белую сибирскую лайку, мою постоянную спутницу и участницу всех игр, и вздохнула:

– Это ты зря. Они хорошие. Если хозяева хорошие. А если как тот... на огороде... сама видишь, что получается. Это кем же надо быть, чтобы вырастить таких ужасных псин?

– Это была какая-то жуткая порода. – Яринке явно не хотелось вспоминать весь кошмар, она нервно заёрзала на скамейке. – Таких специально для охраны разводят.

Перед моими глазами снова появились оскаленные чёрные морды, гладкие, словно без шкуры тела, и я невольно передёрнула плечами. Не хватало ещё самой теперь начать бояться собак!

– Пошли дальше. Долго ещё?

– Нет. – Яринка обрадованно вскочила. – Только опять подниматься надо. Сможешь?

Я смогла. По вездесущим лестницам мы в итоге забрались к белому зданию, самому высокому, которое я здесь видела. Четыре этажа, величественные балконы, увитые зелёными растениями, широкое крыльцо с колоннами. Перед блестящими стеклянными дверями я нерешительно затопталась.

– Ярин, а ты уверена, что нам сюда можно?

– Ну конечно. – Подруга нетерпеливо потащила меня вперёд. – Днём везде можно.

Мы оказались в прохладном вестибюле, и я сразу встрети-
лась взглядом с охранником. В том, что это охранник, у меня
не возникло никаких сомнений, хоть форма здешних секью-
рити отличалась от принятой в приюте, но глаза оказались
такими же – обманчиво ленивыми, холодными и цепкими.

Этот широкоплечий и высокий мужчина, одетый во всё
серое, не сделал ни одного движения при нашем появлении,
но мы остановились как вкопанные от одного его вида.

– Куда?

– Наверх, – бесстрашно ответила Яринка.

– Новенькие? – В глазах охранника затеплилось любопыт-
ство, перешедшее в откровенное недоумение при взгляде
на меня. – Ну, идите, идите...

Проскользнув мимо него, мы оказались перед очередной
лестницей, и я уже обречённо вздохнула, приготовившись

к долгому подъёму, но Яринка потянула меня в сторону. И прямо перед нами в стене вдруг с мелодичным звоном распахнулась не замеченная мною до этого дверь. Я сразу поняла, что это такое, хоть до этого и видела такие штуки только в кино. Лифт!

Внутри оказались сплошной свет и зеркала. В первую секунду это привело меня в восторг, но потом я увидела своё отражение и испуганно уставилась на бледное перебинтованное нечто. Права была вчера Яринка, сказав, что я похожа на мумию. Похожа даже не множеством бинтов, а худобой и серым цветом кожи. А лицо... мамочка...

Я сделала осторожный шаг ближе к зеркалу, даже не заметив, как дверь закрылась и лифт очень плавно двинулся вверх. Правая щека, половина подбородка, верхняя часть шеи – под повязкой, волосы над ухом выбриты широкой полосой, из-под марлевого края бинтов виднеется багровая припухлость.

Яринка примолкла, настороженно наблюдая за мной. Потом мягко коснулась плеча:

– Дайка... Ирэн сказала, что это только кажется так страшно. Потом можно сделать какую-то операцию, и всё будет как раньше.

Лифт остановился, услужливо распахнув двери. Я продолжала как зачарованная смотреть в собственные глаза, ставшие вдруг такими большими и тёмными на бледном лице, на фоне белоснежных бинтов, и подруга осторожно потянула меня за руку. Я машинально двинулась за ней, даже не глядя, куда мы идём и что меня окружает. Перед внутренним взором продолжала стоять блестящая поверхность зеркала, отражающая совершенно чужую, незнакомую, ужасно некрасивую и явно очень больную девочку...

...А в себя я пришла уже от резкого порыва ветра, швырнувшего мне в лицо мои же волосы.

Несколько секунд понадобилось на то, чтобы осознать увиденное. Мы были на крыше, куда попали через узкий коридор, ведущий от лифта. Очевидно, крыша эта использовалась в качестве постоянного места отдыха и общения для местных обитателей. Повсюду стояли столики и шезлонги, разноцветные зонты от солнца и яркие качели. Посреди всего этого голубел бассейн, бьющий в небо высоким фонтаном, шумно обрушивающим свои струи в прозрачную воду. Под струями плескались несколько человек, ещё несколько загорали тут и там, лениво переговариваясь между собой. На нас с Яринкой никто не обратил внимания.

Но всё это я разглядела уже потом. А первое, что бросилось в глаза и что занимало большую часть обзора, — безбрежная синяя гладь, уходящая вдаль насколько хватало глаз, и там, вдали, в облачной дымке, неуловимо сливающаяся с горизонтом.

— Яринка... — У меня пересохло во рту, я напрочь забыла всё, что занимало мой разум до этого, даже новое своё жуткое отражение в зеркале. — Яринка, это... это же...

— Море! — ответила подруга с такой гордостью, словно являлась создательницей всего окружающего. — Это море.

Поскольку я застыла на месте, она снова взяла меня за руку и подвела к краю крыши, к металлическому бортику, украшенному искусственными цветами. Отсюда были видны здания, ступенями спускающиеся к песчаному берегу, растущие повсюду пальмы и петляющие между ними тут и там лестничные пролёты, по которым мы недавно поднимались. Я машинально попробовала отыскать среди одинаковых крыш ту, под которой провела последние дни, но с высоты они все выглядели одинаковыми. В лицо дул ровный влажный ветер, в нём снова улавливался запах солёных огурцов. Так вот, значит, чем это так пахнет. Морем.

— Так это мы... на побережье? — вспомнила я слово, упо-

требляемое мамой.

– Не совсем, – осторожно поправила Яринка. – Пойдём-ка.

Продолжая держать мою руку, она повела меня вдоль края крыши. И отовсюду открывающаяся картина была одинаковой. Домики и пальмы внизу, песчаный берег за ними, а за берегом до горизонта – бескрайнее море.

В конце концов, от этой синей бескрайности у меня закружилась голова, и я опустилась на ближайший шезлонг, прикрыла глаза.

– Поняла теперь, – хмуро спросила в наступившей темноте Яринка, – почему отсюда нельзя убежать?

– Это... остров? – Слово далось мне с трудом, я никогда не могла представить, что буду употреблять его применительно к чему-то реальному, физическому, имеющему отношение непосредственно ко мне. Острова всегда были где-то там, в кино и книгах, за железным занавесом в далёких чужих странах...

– Да. Искусственный остров в Чёрном море, – ровно отозвалась Яринка. – Оазис, весь как есть.

– Как мы сюда попали?

– Мы же всё время на юг ехали, помнишь? На товарняке. Вот и приехали. Не прямо к морю, конечно, но недалеко. А потом нас сюда привезли Ирэн и Карл, когда купили. Сначала на машине, потом на катере.

Я приоткрыла один глаз, убедилась, что море никуда не делось, и потрясла головой:

– Как это – искусственный остров?

Яринка присела рядом со мной.

– Ну, тут мель была, вот и сделали потом на ней остров, я не знаю как. Ирэн сказала, что искусственный и построено тут всё специально под этот Оазис. Чтобы люди приезжали отдыхать.

Я ничего не понимала. Как можно построить целый остров? Как я могу не помнить, что плыла по морю? Может ли всё это быть правдой? Но, терзаемая всеми этими непростыми вопросами, задать я смогла только один:

– Зачем?

А Яринка не была бы моей лучшей подругой, если бы не умела понять меня с полуслова.

– Я это тоже сразу у Ирэн спросила, как сюда попала. И ты спроси у неё, она лучше объяснит. Так-то она толковая тётка, я имею в виду, что честная. Не темнит. И рассказывает интересно.

Я была далека от того, чтобы восхищаться Ирэн, но допрашивать Яринку больше не стала. Всему своё время, информации и так слишком много для одного дня. Неожиданно мне захотелось убежать, спрятаться и от этой необъятной морской синевы, и от безжалостного, карабкающегося в зенит солнца. Сейчас, отсюда, моя маленькая палата в тени пальм вдруг показалась спасительным убежищем.

– Пойдём обратно?

Кажется, Яринка огорчилась, что наша прогулка так быстро закончилась, но возражать не стала. Мы вернулись в лифт, где я закрыла глаза, чтобы не видеть своего отражения. Вышли на улицу. Извилистыми дорожками и лесенками вернулись в уже знакомый песчаный дворик. Ни пальмы, ни песок меня уже не радовали, тем более что в голову закралось подозрение, что всё это тоже искусственное. Ненастоящими ка-

зались даже ленивые павлины, попадающиеся на нашем пути.

В палате я сразу легла на кровать. Раны под повязками болели, голова кружилась, перед глазами поочерёдно вставала то синяя морская даль, то моё собственное обезображенное лицо. Слишком многое случилось за последние дни, и сейчас мне больше всего хотелось снова уснуть, уплыть по молочным рекам в спасительное неведение.

Яринка села рядом, глядя на меня с несчастным видом. Она наверняка ждала другой реакции, но я не нашла в себе силы даже для успокаивающей улыбки.

– Может, доктора позвать?

– Не надо. – Я полежала, дожидаясь, когда бьющееся сердце немного успокоится. – Слушай, а на катере... мы долго ехали... плыли?

– Не очень. – Голос подруги зазвучал виновато. – Но скорость была большая. Самим отсюда до берега точно не доплыть, если ты об этом.

Я понимала, что не доплыть. Сверху, с крыши, ни в одном направлении не было видно земли, только вода, только море.

А если бы и было видно, то ничего бы это не изменило – плаваю я плохо. Мелкая речушка возле Маслят, в которой мы плескались летом, не смогла научить меня такому искусству.

Зашла Машута, покачала головой, заметила, что с прогулками мы поторопились и что в ближайшие дни мне лучше оставаться в палате. Я была с ней полностью согласна. Стены палаты давали иллюзию защищённости от того нового и невероятного, во что вдруг превратилась моя жизнь.

А Яринка, до этого тревожно хмурившаяся, вдруг просияла:

– Дайка, я знаю, что тебе нужно! Скоро приду!

Она разноцветным флажком метнулась за дверь. А вернулась, еле волоча ноги, с трудом удерживая на весу огромную стопку книг.

Глава 5

Русалкина яма

При виде протискивающейся в дверь книжной кучи на тонких Яринкиных ножках я взволнованно приподнялась. С самым торжествующим видом подруга обрушила всю ки-

пу на мою постель – я едва успела подтянуть ноги.

– Вот! – Яринкины веснушки сияли. – Здесь есть целая библиотека. И книг оттуда брать можно сколько угодно!

Я подозрительно покосилась на разноцветные корешки, ожидая увидеть привычные с приюта «Евангелие» и «Хрестоматии», но ничего похожего не обнаружила. Напротив, иллюстрации на обложках пестрели совершенно не библейскими сюжетами. Мускулистые парни с оружием, какое-то клыкастое чудище, вынырывающее из пенных волн, космический корабль на орбите ярко-красной планеты, полуголая красotka в объятиях такого же не обременённого лишней одеждой длинноволосого мужчины. И названия: «Тёмная страсть», «Последний выстрел», «Озеро голосов», «Световой рубеж» – явно не говорили ни о чём духовном или назидательном.

– Это всё можно читать? – уточнила я, по-прежнему не притрагиваясь к книгам.

– Ну! Говорю же – сколько влезет. Прикинь, там даже библиотечарши нет! Просто заходишь и берёшь, что нравится.

Я потянула к себе за корешок толстую чёрную книгу с изображением могильных крестов на обложке. «При пол-

ной луне». Открыла последнюю страницу и почти сразу увидела то, что искала. Год издания – 2017. Времена безбожья!

– Это всё запрещённые книги?

Яринка беспечно пожала плечами:

– Не знаю. Не все, наверно, но и запрещённые по-любому есть. Классно, да? Читай, сколько хочешь, и прятаться не надо!

Постепенно я начала осознавать открывающиеся перспективы. А ведь и правда, классно! Не надо скрываться от бдительных глаз Агафьи и учителей, не надо следить, чтобы соседки по дортуару не обратили внимания на то, что ты подозрительно долго сидишь, уткнувшись в планшет. Да и самих планшетов не надо, бери книгу, открывай и читай!

Я потянула к себе следующий томик. Потом ещё один. Вместе со стопкой таких разных книг во мне росла уверенность, что, пожалуй, чтение без границ – это как раз то, что поможет мне временно примириться с неприглядной действительностью.

Яринка наблюдала за мной и светлела лицом.

– А ты ничего не возьмёшь? – спохватилась я, перестав подтаскивать к себе книги.

– Я уже взяла, – отмахнулась она. – А надо будет – снова схожу. Ты читай пока, а те, которые прочитаешь, отдавай мне, я их обратно относить буду.

Машута, не спешившая уходить и прислушивающаяся к нашему разговору, мечтательно вздохнула:

– Я, после того как попала сюда, тоже читать кинулась. И кино смотрела без перерыва, и в игры играла... как очумелая. Теперь уже привыкла.

– Кино? Игры? – заинтересовалась Яринка.

– Ну да, тут можно телик смотреть, диски или играть на приставке, они много у кого есть. Всё можно, если работе не мешает.

– А ты давно здесь? – спросила я, вспомнив, что Машута тоже приютская.

– Да я, как вы, была, когда меня привезли, – охотно отозвалась она. – Три года уже.

– И как сюда попала?

На этот раз девушка помедлила с ответом, оглянувшись на дверь. Но желание поделиться пересилило осторожность, и она негромко заговорила:

– В тринадцать лет у меня аппендицит случился. А я долго в медпункт не шла, сначала ждала, пока живот сам пройдёт, потом воспитательницу ночью будить боялась. В общем, утром меня на «скорой» в городскую больницу увезли и еле успели прооперировать. А от наркоза я отошла уже тут.

Мы с Яринкой недоумённо переглянулись.

– Это как?

Машута снова замялась, понизила голос.

– Ну, в той больнице были какие-то люди, которые... в общем, с Оазисом связаны. Они подделали всё так, будто я умерла от перитонита. Сиротами ведь обычно никто особо не интересуется, а родных у меня нет совсем, никто ничего не проверял. Умерла и умерла. А меня на самом деле – сюда.

Яринка сообразила быстрее, чем я:

– Так тебя тоже продали? Прямо из больницы?

Машута обрадованно кивнула:

– Ага! И очень вовремя, потому что прооперировали меня плохо, и я потом ещё тут долго болела. В обычной больнице не выжила бы, а здесь и уход лучше, и лекарства дорогие есть. – Она снова оглянулась на дверь. – Из-за границы лекарства. В других местах их не достать.

Я продолжала потрясённо молчать, переваривая услышанное, но Яринка, кажется совсем не удивлённая, с искренним интересом спросила:

– Так ты, получается, почти как Дайка – проснулась уже тут? И как привыкла?

Машута улыбнулась:

– Да, я потому сразу и вызвалась за Дайкой ухаживать, что себя вспомнила. Сначала, конечно, в шоке была, ничего не понимала. Но со мной сидела девушка, Ася, и она мне всё объясняла, успокаивала, пообещала, что к себе в соседки заберёт, когда поправлюсь. А потом и Ирэн пришла, долго со мной говорила. Так что... в общем, привыкла.

Я, наконец, сумела открыть рот и выдавила:

– Но ведь... здесь же... разве ты не хотела убежать?

Машута стала серьёзной:

– Сначала только об этом и думала. Даже ревела по ночам. Но после разговора с Ирэн успокоилась. А теперь понимаю, как мне повезло.

– Повезло?!

– Конечно. Останься я в своём приюте, что бы в жизни увидела? А здесь у меня всё есть, здесь я... – Она вдруг резко замолчала, словно спохватившись. – Впрочем, сами поймёте скоро. Ещё смеяться над собой будете.

Я ничего смешного вокруг не видела, и что-то мне подсказывало, что дальше его будет ещё меньше, но Яринка лишь улыбнулась в ответ на слова Машуты. Она вообще сегодня выглядела подозрительно довольной, в глазах её не было и тени вчерашней безнадёжности. Не будь я так эмоционально опустошена, обязательно бы спросила подругу о том, что это значит, но теперь мне больше всего хотелось остаться одной. Точнее, с книгами. Скрыться в вымышленных мирах от мира реального, вдруг начавшего утрачивать эту ре-

альность.

Желание моё исполнилось, Машута ушла почти сразу после нашего разговора, Яринка чуть позже, пообещав вернуться к обеду. Но погрузиться в чтение мне не удалось, потому что, стоило лишь оказаться в тишине и одиночестве, как я сразу уснула. И проспала до вечера, пока меня не разбудил доктор, явившийся для очередной перевязки. После чего Машута привезла мне ужин с двойным десертом, оставшимся с обеда, который я проспала. На мой вопрос: «Где Ярина?» – пожала плечами.

Без аппетита поковырявшись в тарелках, я, взяв пару самых на первый взгляд интересных книг, перебралась на подоконник – читать в лучах заходящего солнца.

Книги действительно оказались интересными, но читалось мне не очень. Я то и дело отвлекалась для того, чтобы прислушаться: не донесутся ли из коридора Яринкины шаги? Поминутно выглядывала в окно, не возвращается ли она откуда-нибудь? Но подруга не шла. Не пришла она и тогда, когда яркий закат над черепичными крышами угас и на мир опустилась темнота. В этой темноте зажглись разноцветные фонари: зелёные, жёлтые, красные, голубые, фиолетовые, – они вспыхивали на пальмах, на крышах, на окнах, на лестницах, и мне не нужно было видеть весь остров, чтобы предста-

вить, как он становится похож на новогоднюю ёлку. Я бы восхитилась такой картиной и надолго осталась у окна, не тревожь меня сейчас мысли о Яринке. Но мысли тревожили, поэтому я вернулась в постель, где и свернулась клубочком, тоскливо гадая, что же помешало ей прийти?

Заглянула Машута пожелать мне спокойной ночи. Удивилась тому, что я сижу в темноте. Я тоже удивилась, узнав, что здесь можно не спать всю ночь и никто тебе слова против не скажет.

– Совсем как я три года назад, – засмеялась Маша. – Всё ждала, когда воспитательница заорёт: «Через пять минут чтобы все спали!». Не бойся, включай свет и читай хоть до утра, никто не будет ругаться.

Не стану врать, что это меня не порадовало. Я тут же воспользовалась Машутиным советом, включила бра над кроватью, свила уютное гнездо из одеяла и обложилась книгами. Но не успела приступить к чтению, как за окном зазвучали весёлые голоса, нестройно поющие хором. Заинтересовавшись, я снова захромала к подоконнику.

По дорожке неторопливо брели две обнимающиеся пары, прихлёбывающие что-то на ходу прямо из пузатых бутылок. Но самым примечательным в них было не это, а почти

полное отсутствие одежды. На мужчинах наблюдались лишь свободные шорты, а на девушках и того меньше – узенькие полоски материи на бёдрах, которые язык не поворачивался назвать трусиками. Голые груди покачивались в такт неспешной ходьбе, кожа блестела в свете фонарей.

Я вытаращила глаза и машинально присела, чтобы не быть замеченной. Ошеломлённо помотала головой, снова осторожно выглянула. Нет, не показалось. Люди за окном были не только почти обнажённые, но ещё почему-то мокрые – яркий блеск их кожи объяснялся именно этим.

Какого чёрта здесь происходит?

Компания остановилась напротив моего окна, они о чём-то негромко поговорили, затем одна пара удалилась, а вторая устроилась на скамейке под ярко-голубым фонарём, сделавшим их похожими на инопланетян. Девушка села на колени мужчине, а он, опрокинув в песок недопитую бутылку, принялся целовать её грудь.

Я снова отшатнулась от подоконника, подумала, что если эти двое поднимут головы, то прекрасно увидят меня на фоне ярко освещённого окна. И вернулась в постель. Взяла книгу, уставилась на страницу невидящим взглядом, невольно прислушиваясь к происходящему за окном. Неподалёку за-

звучала музыка, донёлся смех...

В который раз обнаружив, что бездумно перечитываю один и тот же абзац, я снова подскочила к окну, игнорируя проснувшуюся под повязками боль, и сердито захлопнула его, успев заметить, что целующаяся парочка на скамье переместилась в горизонтальное положение. На звук захлопнувшегося окна они не обратили никакого внимания, продолжая елозить ладонями по телам друг друга. Я невольно задержала взгляд на переплетении обнажённых рук и ног, разозлилась на себя и задёрнула шторы.

Увы, почитать в ту ночь мне так и не удалось, хоть я и честно пыталась. Но впервые за последние годы окружающая действительность показалась мне увлекательнее книжной, оторваться от неё было невозможно. Мокрая парочка со скамейки через какое-то время исчезла, но на её место приходили другие, и я, не в силах побороть любопытства, при каждом звуке шагов выглядывала в окно. Потому что народ здесь, как оказалось, обитал разнообразный и интереснейший!

До наступления утра мимо моего окна ходили и почти голые люди, и женщины в вечерних платьях, и мужчины в смокингах, и непонятно кто в масках и костюмах животных. Некоторые из них еле волочили ноги, шатались и выкрики-

вали непристойности, другие, наоборот, держались подчёркнуто церемонно, а чьё-то поведение вообще не поддавалось никакому описанию. Видела я девочку, на вид чуть постарше себя, проехавшую верхом на спине ползущего на четвереньках пожилого мужчины. Видела двух юношей, идущих в обнимку, с ладонями, покоящимися на ягодицах друг друга. Видела мужчину в средневековом костюме, ведущего на собачьем поводке обнажённую девушку. Всё это походило на странный полусон, полубред. Сказочное освещение вокруг, грохочущая неподалёку неистовая музыка, не похожая ни на что слышанное мною ранее, приносимый ветром солёный запах моря вперемешку с ароматами духов. Я бы ничуть не удивилась, проснувшись внезапно в дортуаре, под привычный звон будильника, извещающий о начале нового обычного дня. Я была бы рада там проснуться...

Но вместо этого задремала на рассвете, когда уже не было слышно ни музыки, ни голосов, а разноцветные фонари за окном погасли...

Разбудили меня негромкие голоса Машуты и Яринки. Толком ещё не проснувшись, я тем не менее испытала огромное облегчение от того, что подруга, наконец, появилась.

— Она читала всю ночь, — доверительно сообщила Машута (ага, читала, конечно!).

– Ну тогда пусть ещё поспит, я позже зайду. – Яринкин тон стал печальным. – Какая-то она совсем больная. Не поправляется...

– Да другая на её месте вообще бы не вставала! – шёпотом возмутилась Машута. – Ты видела, что у неё под бинтами?

– Да я не о том. – Было слышно, как Яринка вздохнула. – Ей ничего не интересно. Книги, море... вроде сначала обрадуется, а потом опять грустная.

– Так и я первые дни так же, – успокоила её Машута. – Это просто болезнь и шок. Дай ей время...

Мне стало неудобно, получалось, будто подслушиваю, и я завожусь под одеялом, давая девчонкам понять, что уже не сплю. Они сразу примолкли, потом Машута торопливо сказала:

– Я пойду. Покормишь её сама, ладно?

Раздались удаляющиеся шаги, щёлкнула, закрываясь, дверь. Я открыла глаза. Веки после бессонной ночи казались тяжёлыми, никак не хотели подниматься. Телом владела слабость, раны под повязками надоедливо ныли.

– Дайка, – ладонь Яринки коснулась моего лба, голос звучал заискивающе, – Дайка, не спишь?

– Ты где была? – Я не собиралась с ней церемониться, слишком хорошо помнила вчерашнюю тревогу. – Почему не зашла вечером?

Яринка потупилась:

– Я хотела! Но тут по вечерам уже нельзя выходить тем, кто не работает. Вот меня дежурная и не выпустила.

– Почему нельзя? Какая дежурная? – Я осторожно села в постели, щурясь от заглядывающего в окно яркого солнца.

Яринка, обрадованная тем, что можно сменить тему, торопливо заговорила:

– Тут девушки живут в домиках, по четыре человека в комнате, как у нас в дортуарах. И на каждый домик есть дежурная, из стареньких, она следит за порядком. Вот и не выпустила, потому что после восьми начинают гулять гости и девочки идут на работу. А тем, кто ещё не работает, выходить нельзя и видаться с гостями нельзя.

Из всего сказанного я мало что поняла, кроме того, что Яринка очень неубедительно оправдывается.

– А до восьми почему не пришла?!

– Я приходила в обед, ты спала! А потом... Ой, Дайка, мы были на пляже, я купалась в море! В первый раз! Слушай, это так классно, и я хотела, чтобы сегодня...

– Кто это – мы? С кем ты купалась?

– С девушками из нашего номера... ну, в приюте были дортуары, а здесь говорят – номера. С Асей и Викой, ты потом с ними познакомишься, они классные.

С неосознанной ревностью я подумала, что в голосе Яринки слишком много восторга и слишком мало раскаяния по поводу того, что, пока она весь вчерашний день развлекалась с какими-то Асями и Виками, я лежала тут, больная и одинокая.

– Слушай, ты спроси у доктора: когда тебе можно переехать в номер? – продолжала возбуждённо тараторить подруга, не замечая моего насупленного взгляда. – Ты же сможешь приходить к нему на перевязки, зачем всё время тут быть? Я тебе постельное бельё принесла и одежду в шкафчик

сложила. Там так уютно, и можно на стену над своей кроватью вешать всё, что захочешь, а не только иконы...

Взгляд Яринки стал мечтательным, про меня она словно забыла. Возмущённая этим, я уже собралась озвучить свои вчерашние переживания по поводу её отсутствия, но вспомнила о другом.

– Ой... Яринка, слушай, это очень странное место! Тут...

Пока я торопливым шепотом пыталась живописать ночные события, подруга хмурила брови, образовав на лбу знакомую складочку, и покусывала нижнюю губу. Но после сказала только:

– Теперь понятно, почему меня ночью никуда не отпустили.

Я подождала несколько секунд, ожидая более живой реакции, потом возмутилась:

– И всё? Да ты понимаешь, что здесь творится?!

– Я-то понимаю, – досадливо отозвалась Яринка. – А вот ты, кажется, ещё не поняла, куда мы попали. Нет, надо тебя забирать к нам в номер, а то сидишь здесь, как в клетке. Да-

вай я сама сегодня с доктором поговорю?

Я потерянно смотрела на неё, и у меня создавалось стойкое впечатление, что мы говорим о разных вещах, а то и на разных языках. Яринкин взгляд снова стал беззаботным и чуть мечтательным, складочка разгладилась, на губах заиграла улыбка.

– У тебя когда перевязка? Хочешь, я тебя потом на пляж отведу, где мы вчера были? Купаться тебе нельзя, но ты хоть на море вблизи посмотришь! Ну пойдём, хватит валяться! Знаешь, как это здорово – море?

И я сдалась. Больше не пыталась разговаривать о прошедшей ночи, рассказывать о том, что видела, упрекать Яринку в легкомыслии. Покорно съела завтрак, дождалась доктора, получила его разрешение на прогулку вместе со строгим наказом не лезть в воду, вытерпела очередную перевязку. Заметила, как торопливо подруга отвела взгляд от моего лица, когда оно показалось из-под бинтов, но не стала просить зеркало. Потом дала себя одеть, в том числе и в дурацкую широкополую шляпку с лентами, которую притащила Яринка.

– На пляже очень солнечно, – пояснила она, завязывая ленты под моим подбородком. – А мы будем гулять долго, да? Я хочу показать тебе всю набережную, обойдём остров

вокруг.

Я не была уверена, что такая прогулка мне по силам, но возражать не стала, мной снова овладела апатия. Я пыталась разозлиться на себя, встряхнуться, ведь Яринка права – сейчас я впервые в жизни окажусь у моря! Услышу шум прибоя, окуну руки в волны, возможно, увижу чаек или диковинных рыб... но вместо того чтобы радоваться, чувствую себя так, будто впереди очередная воскресная служба в приютской церкви!

Кстати...

– Какой сегодня день? – спросила я, когда мы выходили на лестницу.

Яринка подставила мне локоть и охотно ответила:

– Сегодня понедельник.

Значит, вчера было воскресенье. Но я за весь день ни разу не слышала колокольного звона. Да и с крыши, на которую меня привела Яринка, не увидела куполов...

– А где здесь церковь?

– Церковь? – Яринка хихикнула. – Что, тоже сжечь хочешь? Вошла во вкус?

Я повысила голос:

– Здесь есть церковь?!

Яринка покосилась удивлённо и чуть обиженно.

– Чего ты рычишь? Нет, нету здесь никакой церкви, кому она нужна?

– Как это кому? – Мы спустились с лестницы, и я заранее прищурилась, готовясь выйти под жаркое южное солнце. – А где тут люди молятся?

– Дайка, ну ты вот как скажешь... – В голосе Яринки зазвучали непривычные нотки превосходства. – Сама-то подумай, кто тут молиться будет? Гости не молиться сюда приплывают.

– А не гости? – Я шагнула за порог и вынуждена была признать полезность нелепой шляпки: широкие поля бросали тень на лицо, жмуриться не пришлось.

– А не гости работают, им не до молитв. – Яринка реши-

тельно повела меня в сторону противоположную той, откуда мы вернулись вчера. – Да и вообще, здесь все такие... грешные, что молиться никому уже смысла нет.

Я вспомнила людей, за которыми наблюдала ночью из окна: их облик, поведение, пьяный смех, – и мысленно согласилась с подругой.

Мы снова принялись петлять между домиками и пальмами, но на этот раз не поднимались, а спускались по коротким лестничным маршам, часто попадающим на пути.

– Здесь, внизу, – объясняла на ходу Яринка, – живут работники Оазиса, те, кто тут постоянно. А выше уже начинаются отели для гостей, там же рестораны, казино, стрип-клубы...

– Кази... стрип... что это?

– Потом узнаешь, нас это пока не касается. Но внизу всё равно прикольнее, там море. В нашем номере из окна его видно. И слышно, как волны шумят, так засыпать приятно! Если только гости не орут, как вчера. Хотя по ночам немногие купаются.

Я вспомнила полуголые парочки, дефилирующие мимо

моего окна ночью, и меня осенило:

– Так это с пляжа голые ходят? Поэтому все были мокрые?

– Ну. Напьются и лезут в море... А вот и оно!

Я вздрогнула и подняла глаза. Мы вышли на открытую площадку перед последней лестницей. Нижняя ступенька утопала в песке, уже не таком приторно-золотистом, как тот, каким засыпали дорожки наверху. Это был настоящий морской песок – крупный, грязно-жёлтого цвета, с вкраплениями сухих водорослей и осколков ракушек. И от этого ещё более замечательный. Налетевший с морского простора порыв ветра чуть не сорвал шляпку с моей головы, и её удержали лишь заботливо завязанные Яринкой ленты.

Сам пляж оказался довольно узким, заставленным шезлонгами и зонтиками, но людей здесь на удивление почти не было.

– Вика и Ася говорят, что купаться лучше всего утром, – пояснила Яринка, – пока гости отсыпаются. После обеда тут будет толпа. Пошли к воде. Я окунусь разок, ладно? А потом обойдём остров.

Шагать по пляжу оказалось трудно, ноги проваливались

в горячий песок, который сразу набился в босоножки, но это было даже приятно. Яринка на ходу принялась раздеваться, под майкой и шортами у неё оказался купальник, состоящий из множества серебристых шнурков. Тонкая и гибкая Яринка походила в нём на юркую рыбку. Бросив вещи на пустой шезлонг, она издала высокий радостный вопль и, вскинув руки, побежала в пену прибоя. Я с тревогой наблюдала, как тёмно-зелёная волна накрыла её с головой, но Яринка тут же вынырнула рыжим поплавком, что-то весело крикнула.

Я медленно приблизилась к воде, помедлила, прежде чем ступить на мокрый песок нарядными босоножками, но потом решила, что жалеть здешние вещи не стоит – разве меня саму не купили, как вещь? С громким шорохом набежала очередная волна, лизнула мои ноги. От её ласковой прохлады я негромко охнула, но сразу сделала ещё один шаг вперёд, опустила на корточки, протянула ладони навстречу следующей волне...

Когда Яринка выбралась на берег, то застала меня мокрой и схватила за голову:

– Дайка! Ну, доктор сказал же: бинты не мочить! Ну вот зачем...

Я и не думала мочить бинты, они сами намокли, когда я,

зачёрпывая горстями морскую воду, смачивала ею открытые участки кожи. Но как было удержаться? Солнце стояло уже высоко, а вода оказалась такой приятной, так чудесно пахла – солёными огурцами и водорослями, так освежала, что сонная апатия, владевшая мною со вчерашнего дня, исчезла, растворилась в её мокром блеске. И я встретила Яринкино ворчание широкой счастливой улыбкой, от которой подруга замолчала на полуслове, недоверчиво глядя на моё сияющее лицо.

– Ну, ладно, – наконец неуверенно сказала она, – пока гуляем, ты и высохнешь. Только больше не лезь к воде, потерпи уж.

Мы присели на шезлонг, подставив лица порывистому морскому бризу.

Море...

Разумеется, я видела его по телевизору, читала о нём в книгах, много раз представляла себе, но всё это не шло ни в какое сравнение с ощущением солёной влаги на коже, с мерным шумом прибоя и жалобными криками чаек, с неповторимым, таким морским запахом, который я теперь не спутаю ни с чем другим.

– Сегодня волны большие, – поделилась Яринка, – вчера меньше были. Девчонки говорят, что прикольнее всего в шторм. Купаться, конечно, нельзя, но краси-и-иво! Ты отдохнула? Пойдём?

Мы встали и побрели вдоль линии прибоя. Я оглянулась назад, туда, где дальше по берегу виднелись выступающие в море длинные не то мостики, не то косы, и спросила:

– А почему не в ту сторону?

– Туда нельзя, – быстро сказала Яринка. – Там причал.

Только сейчас я заметила несколько качающихся на волнах катеров. А может, это были яхты или лодки, или как там ещё называется то, что плавает по морям? В общем, корабли. А корабли – это средство передвижения, и значит...

Яринка не дала мне додумать мысль до конца, сообщив бесстрастным тоном:

– Забудь. Убежать не получится. Охрана обыскивает каждое судно, а причал закрыт. Поэтому мы в ту сторону и не идём.

Я подавила вздох. Разумеется, здорово было представить, как мы, тайком пробравшись на катер-яхту-лодку, уносимся на свободу по пенным гребням волн! Но я уже понимала, что Оазис – это не наш приют, и, для того чтобы убежать отсюда, понадобится нечто большее, чем умение лазить по деревьям.

Яринка потянула меня дальше, и я, отвернувшись от белых корабликов, последовала за ней по горячему песку.

Остров оказался совсем небольшим. Мы обошли вокруг него за три часа, при этом останавливаясь и отдыхая на скамейках и шезлонгах. Погода заметно испортилась, на небе появились рваные облака, время от времени скрывавшие солнце, ветер усилился, и волны накатывали на берег уже не с ласковым, а с угрожающим ворчанием. Большую часть пройденного нами берега занимал пляж, его окаймляли одноэтажные и двухэтажные домики; жильё девочек, таких же пленниц Оазиса, как и мы. А вот выше, на так называемых «террасах», селились те, кто приплывал сюда воспользоваться местными услугами. Именно там росли пальмы и бродили павлины для ублажения взглядов дорогих гостей, там же располагалась и медицинская клиника, в которую меня спешно доставили в нашу первую ночь здесь. А над всем этим, на самой высокой точке искусственного острова, громоздился Айсберг. Белоснежный четырёхэтажный дом, на крышу которого привела меня вчера Яринка. Его было видно ото-

всюду, и снизу он действительно походил на айсберг, блестящий стеклянными гранями под южным солнцем.

– Это отель для самых богатых, – пояснила Яринка, когда мы валялись на шезлонге, глядя вверх – на отражающие синее небо окна Айсберга. – Лучшие номера, лучший ресторан, смотровая площадка с бассейном. Ну ты видела. Ася и Вика работают там.

Асю и Вику Яринка упоминала постоянно. Ася и Вика то, Вика и Ася сё, Вика и Ася сказали... Совершенно не интересуясь этими девицами, я уже знала, что им по двадцать с хвостиком, здесь они больше пяти лет, на хорошем счету у Ирэн, что они уже отработали свой долг перед Оазисом и теперь зашибают кучу денег. И нам очень повезло, что нас распределили в один номер с ними, ведь если мы будем брать пример со своих соседок, то станем такими же крутыми. Мне уже казалось, что я готова возненавидеть и Асю, и Вику, если Яринка не перестанет без конца повторять эти имена, и лишь нежелание обидеть подругу удерживало меня от едких замечаний в их адрес.

И сейчас я торопливо, чтобы Яринка не успела развить тему, сказала:

– Я отдохнула. Пойдём дальше?

Подруга приподнялась на локтях, посмотрела вдоль берега.

— А некуда больше идти.

Я проследила за её взглядом. Неподалёку от нас пляж обрывался. Песок там уступал место гальке, а потом и крупным камням. Ещё дальше виднелись целые глыбы, нагромождения глыб, разбиваясь о которые волны вставали дыбом. И там не было уже ни шезлонгов, ни зонтиков, не было даже домов, лишь тянулся унылый бетонный забор, за которым виднелись металлические крыши, так отличающиеся от остальных крыш острова — уютных и черепичных, с мансардными окошками и башенками, к виду которых я уже успела привыкнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.